Анастасия Щербина

Книга вторая. Весна. Распускаясь цветами

“От каждой болезни есть лекарство, но только не от любви”.

Серия из четырех книг

18+

Анастасия Щербина

Книга вторая. Весна. Распускаясь цветами

«Автор»
2024

Щербина А.

Книга вторая. Весна. Распускаясь цветами / А. Щербина — «Автор», 2024

Больница — одно это слово ассоциируется с болезнью, горем и разбитыми надеждами. В этих стенах каждый мечтает об одном — излечении. Попав сюда, я хотела того же. Но знала ли, что мое выздоровление будет куда глубже? Недостаточно вылечить тело и раны, я встретила того, кто вернул меня к жизни и излечил мою душу.Может ли в этих стенах зародиться любовь? Сможем ли мы преодолеть препятствия, которые преподнесет нам жизнь за пределами больничных коридоров? Сумеем ли быть услышанными друг другом, чтобы не нанести раны, которые не излечит ни один врач?

© Щербина А., 2024
© Автор, 2024

Содержание

Часть 1 6
Пролог 6
Глава 1 7
Глава 2 13
Глава 3 20
Глава 4 27
Глава 5 34
Глава 6 43
Конец ознакомительного фрагмента. 44

Анастасия Щербина
Книга вторая. Весна. Распускаясь цветами

Серия из четырех книг.
Книга первая. Зима. Кружась снежинками
КНИГА ВТОРАЯ. ВЕСНА. РАСПУСКАЯСЬ ЦВЕТАМИ
Книга третья. Лето. Согревая солнцем
Книга четвертая. Осень. Опадая листьями

Посвящается моей семье,
тем, кто всегда был рядом…

Часть 1

Пролог

Жизнь – это череда перемен. От них зависит наш выбор, принимаемые решения и действия, которые совершаем, строя дальнейший путь. Возможно, все в этом мире предопределено. И чтобы не случилось, какой выбор бы мы не сделали, все ведет к какой-то одной точке, к одному моменту.

Иногда, жизнь очень искусно плетет свои хитрые нити, так, чтобы мы однажды поняли, что все, чем жили, не имеет больше никакой ценности. В один миг меняются все приоритеты и открываются глаза. И оказывается, что нет больше прежних четко выстроенных планов и целей, все кажется незначительным, ненастоящим и бессмысленным.

* * *

Мне всегда было тяжело жить одним днем и не строить никаких планов. Я никогда не верила в случайные события. Всегда надеялась только на себя и на те решения, которые принимаю. Никогда не была мечтательницей, которая бы доверила свою жизнь в руки судьбы и жила в розовых очках. Для меня существует только мой хорошо обдуманный выбор и построенные в голове планы на всю дальнейшую жизнь.

Все распределено четко по полочкам и нет места случайностям как в жизни, так и в знакомствах с мужчинами. Я всегда заранее знала все про человека, с которым предстояло встретиться. Мой холодный разум не позволял довериться сердцу и лишним эмоциям, поэтому я никогда не знакомилась случайно на улице. В первую очередь я искала партнера, возможно друга, коллегу по принятию четко обдуманных решений, но в моих отношениях никогда не было места для любви.

Я всегда удивлялась людям, которые были как открытые книги. Я же с детства прятала свои эмоции. И теперь, будучи взрослой, каждый день надеваю маску и показываю ту сторону, которую считаю нужной показать. Но только я знаю, что там, в глубине души, я всегда хотела встретить того, кто сорвет эту маску и увидит ту нежность, ранимость и чувствительность, которые я так старательно прячу и берегу, даже от себя. Мне хотелось узнать и увидеть, что такое любовь. Что значит чувствовать, действовать и думать сердцем, а не холодным рассудком. Я хотела встретить того, кто освободит мою душу от этих льдов, которые сковали меня за столько лет.

И даже я, такая благоразумная и можно сказать расчетливая, была втянута в эту игру жизни и судьбы. Будто все то, что я делала, какие бы решения не принимала, все шло именно к этому дню и этой встрече. Одной встрече с ним.

Весна – время цветения, обновления и перемен. Вся моя четко выстроенная жизнь, омраченная совсем не радостным происшествием, изменилась за один весенний день.

Глава 1

Выхожу из дома и иду на парковку к машине. Хоть сейчас и март месяц, но сегодня по-весеннему тепло, светит солнце и вовсю поют птицы. Люблю это время года. Для меня оно означает начало чего-то нового, какие-то перемены в жизни. Прохожу мимо лужи, смотрю в свое отражение и хмурюсь. Вспоминаю, что моя жизнь последние три года такая размеренная и спокойная, что покупка сока с другим вкусом уже считается чем-то новым.

Когда я стала такой? Наверно, тогда, когда из моей жизни ушел самый близкий человек. Мой папа. Эта была тяжелая потеря для маленькой девочки, которая только недавно ходила с ним за ручку и выпрашивала мини-шоколадки в магазине у дома. Которую он катал на своей шее, а она представляла, что ездит на жирафе и визжала от восторга. Которую он целовал каждую ночь перед сном и называл «моя принцесса».

В принцесс я больше не верю, как и в то, что в моей жизни когда-то появится мужчина, который разбудит во мне все эмоции, запертые тем днем, когда я в последний раз видела папу.

Спрятать все свои чувства было осознанным решением. Я это сделала, когда поняла, что боль от потери становится невыносимой. Ты не можешь дышать, есть, пить и жить в принципе. Даже будучи одиннадцатилетним ребенком, я чувствовала все, как взрослый человек. И помочь себе могла только я сама.

Теперь мне легче справляться с болью и переживаниями. Я либо избегаю всех эмоциональных ситуаций, либо отстраняюсь от людей и стараюсь не подпускать их близко к себе. Меня настоящую может видеть только моя семья и мои три подруги. Только с ними я чувствую себя в безопасности и могу показать себя настоящую. Но недавно я начала задумываться о том, что спустя столько лет размеренной жизни, мне хотелось бы наконец-то почувствовать что-то большее, чем просто одну эмоцию под названием «спокойствие».

Я, как всегда, углубившись в себя и свои мысли, перестала замечать все вокруг, как и то, что стала переходить дорогу под колеса едущей машины. Водитель начал тормозить, а я как испуганная лань замерла перед машиной во все глаза наблюдая, как быстро приближается капот автомобиля, а колеса прокручиваются на тонкой корке льда. Все произошло так быстро, что я еще с минуту не могла понять почему у меня вместо тротуара перед глазами небо.

Передо мной появилось напряженное лицо мужчины. Я опустила взгляд ниже, увидев двигающиеся губы и только сейчас поняла, что вокруг непривычно тихо. Я не слышала абсолютно ничего. Внутри начала подниматься паника и от шока я попыталась встать, но тело меня не слушалось. После нескольких попыток, мужчина заметил мои почти незаметные движения и начал меня успокаивать, держа то руки, то ноги. Он все также что-то говорил, но я оставалась глуха.

Рядом начали появляться люди, видимо те, кто шел мимо и заметил аварию. Женщина поблизости держала трубку телефона у уха и быстро шевелила губами. Я все еще была в какой-то прострации и не могла понять кто я такая и куда вообще направлялась этим утром. Напрягла память. Вспомнила свое имя: Алиса. Мне двадцать девять лет. Потом в голове всплыло лицо мамы и подруг. И память начала возвращаться куском огромной информации, а с ней начал появляться и слух.

Я услышала общий шум улицы и вой сирены. Перевела взгляд на все еще сидящего рядом мужчину. У него было испуганное лицо. Попыталась взять его за руку, чтобы сказать, что все хорошо и он не виноват, но получилось только провести пальцами по предплечью и издать непонятный звук, похожий на скулеж.

Неподалеку услышала шум колес и повернула голову – приехала скорая. Фельдшер вышла из машины и направилась ко мне, отгоняя людей. Она быстро осмотрела меня, прощупала и посвятила фонариком в глаза. Повернулась к бригаде, которая стояла у скорой и

крикнула: «Предварительный диагноз: ушиб грудной клетки, перелом кости руки, сотрясение и ссадины, давайте каталку». После услышанного почувствовала, как сильно болит рука. Меня положили на каталку и повезли в машину, мужчина увязался следом за врачом, задавая вопрос куда меня отвезут. Больше всего в этой ситуации мне было жаль его. Он пострадал по моей вине.

Двери закрылись, и машина тронулась. Меня ощутимо качнуло на неровной дороге и тут же заныли ребра. Едем. С сиреной. Иногда думала, какого это находиться здесь, внутри и знать, что твоя жизнь теперь в руках врачей? Вот теперь и я знаю ответ на этот вопрос.

Фельдшер опустилась ко мне и спросила:

– Что-то еще болит? Дышать не сложно?

Я прислушалась к себе, вроде бы все нормально, но откуда мне знать, может это мой разум так играет со мной.

– Все нормально, говорить только сложно, – получилось что-то между шепотом и нормальной речью.

– Это из-за сотрясения, не волнуйся, речь вернется. Сейчас вколю тебе обезболивающее.

Не знаю, сколько по времени мы ехали. Возможно десять минут, а может час. Мне сложно было сосредоточиться и осмыслить течение времени. Где-то слышу звук телефона, вроде бы моего. Фельдшер берет мою сумку, достает аппарат и протягивает мне. На экране высветилось «Ангелина».

– Поговори, но не долго. Мы приехали, сейчас тебя будут оформлять, – врач говорит мне и вылезает из скорой.

Подношу телефон к уху не поломанной рукой.

– Алис, ты где? Я жду тебя уже десять минут на нашем месте, – взволнованный голос подруги.

– Я в скорой, меня привезли в больницу после аварии.

Вспоминаю, что сегодня пятница и я должна была забрать подругу у ее дома, чтобы вместе поехать на работу.

– Что?! Какая авария?! Господи, Алиса! Ты как? Ладно, не отвечай, если говоришь, значит не все так плохо. Я еду! Напиши по смс какая больница, – ее голос срывается на крик.

– Меня только привезли, как узнаю – напишу. Позвони девочкам.

– Хорошо-хорошо. Сразу напиши. Господи, как так! – она сбрасывает, но я успеваю услышать последнее предложение.

Двери открылись и меня вкатили в приемный покой. Надо мной склонился врач, молодой, примерно моего возраста.

– Как себя чувствуете? Рассказывайте, – он спрашивал и одновременно светил мне фонариком в глаза. Рядом стояла медсестра готовая записывать.

– Уже получше, рука болит и ребра. Больше вроде бы ничего не беспокоит. И говорить было тяжело, – все еще слегка хриплю.

– У вас сотрясение, поэтому были проблемы с речью, перелом лучевой кости и ушиб грудной клетки. Сейчас вас отвезут на КТ, потом я вам наложу гипс, – он передал медсестре бланк.

Я согласно киваю на все. Не сказать, что мне страшно, даже будучи в такой ситуации я стараюсь держать себя в руках и не нервничать. Знаю, что это не поможет моему положению, а только навредит. Поэтому делаю, что мне говорят и не задаю лишних вопросов.

Меня также на каталке поднимают на верхний этаж и перекладывают на аппарат КТ. Лежу с закрытыми глазами и думаю о том, как может измениться жизнь за одно мгновение. Только вчера вечером обдумывала какие статьи сегодня надо сдать начальнику, что отредактировать, что отдать на печать. Утром как обычно одевалась и танцевала под музыку, хотела на выходных съездить к маме в гости. А сейчас нахожусь здесь, с переломами и благодарю судьбу за то, что

так легко отделалась. Могла бы лежать не на КТ, а в морге. Улыбаюсь про себя – шучу, уже хорошо. Хотя бы оптимизм меня не покинул.

Через десять минут процедура закончена, и я пытаюсь встать сама. Медсестра спрашивает, уверена ли я в своих силах. Уверена. Не в моих правилах делать из себя мученицу.

Иду медленно по длинным коридорам больницы. Медленно, потому что ребра все-таки не дают делать это быстрее. Спасибо, что не сломала ноги. Думаю, что костыли и я все-таки несовместимые вещи.

Заходим в кабинет, на котором весит табличка «перевязочная». Медсестра обработала мне ушибы и царапины, взяла кровь из вены для анализов. Спрашиваю у нее, в какую больницу попала, чтобы позвонить Ангелине и маме. Женщина ответила и попросила посидеть, дождаться врача. Как только она выходит, ищу телефон в сумочке и звоню сначала подруге. Маму наберу позже, когда буду в палате.

– Ну что, где ты? – выпаливает сразу подруга, как берет телефон.

– В центральной районной больнице, рядом с моим домом, ты знаешь, где это.

– Поняла. Как себя чувствуешь? Что тебе привезти? Я как раз только приехала к тебе в квартиру, – Лина хлопает дверью.

Помню, как два года назад предложила подруге обменяться ключами от квартир. Так, на всякий случай. Вот этот случай и наступил.

– Чувствую себя удовлетворительно. Рука сломана и ушибы есть. А еще сотрясение. Представь, я потеряла память на мгновение и слух. Так испугалась сначала. Первое что вспомнила – маму и вас. Царапины еще есть на руках, но это мелочи. Хорошо, хоть лицо целое и зубы – это главное. Не хотелось бы мне превратиться в беззубое нечто.

– Кто о чем, а ты о внешности переживаешь, – подруга вздыхает.

– Не переживаю, просто стараюсь не впадать в грусть и ищу позитивные моменты.

Смотрю на себя в зеркало на стене. В нем отражаюсь я с немного потерянным взглядом зеленых глаз. Длинные светло-русые волосы растрепались и теперь кучерявыми прядями весели вдоль лица. Моя бледная кожа стала еще бледнее, так, что выступили синяки под глазами.

– Хорошо, что не унываешь. Я у тебя в комнате, взяла сумку в шкафу, говори, что положить тебе.

Перечисляю Ангелине список вещей, который составила у себя в голове, пока поднималась сюда с КТ. За ней заедет Кира на машине вместе с Ингой, они отпросятся с работы, поэтому прошу взять все, что нужно. Слышу, как по коридору идет доктор и переговаривается с медсестрой. Прощаюсь с подругой и убираю телефон.

В кабинет заходит врач с папкой и моими снимками, подходит ко мне.

– Алиса, кровотечения нет, все хорошо. Других травм тоже не наблюдается. Но я все-равно оставляю вас в больнице, под наблюдением, так как вы получили сотрясение и перелом. Назначу вам лекарства и капельницы.

– Как скажете, доктор, – соглашаюсь, а сама думаю о работе, мне надо было закончить важную статью.

– Давайте теперь наложу вам гипс, – врач достает материалы.

– Сколько по времени мне его придется носить? – протягиваю руку вперед.

– Месяц, потом сделаем снимок, если кость правильно срастется, то гипс больше не понадобится.

Обдумываю сказанное врачом и понимаю, что на работе в таком положение будет тяжело. Я могу, конечно, печатать одной рукой, но такой номер с вождением машины не прокатит. На руле должно быть две руки. А добираться до работы на общественном транспорте с гипсом такая себе идея. Вздыхаю и не могу больше ничего придумать, к тому же начала болеть голова.

– Что-то не так? Вам больно? – врач понял мое состояние по-своему.

– Нет, все нормально, думаю о работе. Как добираться туда с этой штукой на руке.

Врач смотрит на меня вопросительно:

– Вам, конечно же, не нужно туда ездить, я открою на месяц больничный. Тем более после аварии даже думать о таком не стоит. Надо беречь себя.

Согласно киваю:

– Хорошо, спасибо.

Гипс наложен, и я чувствую себя в еще большей растерянности. Не люблю от кого-то зависеть, быть беспомощной и напрягать родных людей таким состоянием.

– Сейчас вас проведут в палату, позвоните кому-нибудь из близких, чтобы привезли вам все необходимые вещи, – врач забирает относящиеся ко мне документы и уходит.

Через пять минут входит медсестра и просит следовать за ней. Мы поднимаемся еще на этаж выше. Меня разместили в двухместную палату, в которой сейчас я была одна.

Смотрю из окна на улицу и мне становится грустно. Я и раньше попадала в больницы, знаю это состояние, когда время будто останавливается. Ты только и можешь ждать, когда наступит выздоровление. Все трудности в жизни кажутся чем-то незначительным, потому что самая большая проблема находится сейчас здесь, в палате – это твое подорванное здоровье. И остается единственная цель – быстрее отсюда выйти. Вернуться к обычной жизни по графику: дом, работа, подруги, поездки к маме и долгожданные путешествия. Моя спокойная жизнь, в которой нет никаких потрясений. Я совсем не люблю такие резкие изменения, когда все планы рушатся и выбивают меня из привычной жизни.

Из задумчивости меня вырывает телефон. Ангелина.

– Мы поднимаемся к тебе, какая у тебя палата?

Выхожу и смотрю на дверь с обратной стороны:

– Четыреста третья, – слышу, как девочки быстро идут, – вы не спешите, а то не хватало чтобы из вас кто-нибудь упал и тоже сломал руку. У меня тут рядом только одна койка осталась. На всех не хватит.

– Тоже мне шутница! – Кира кричит в трубку так громко, что у меня начинает звенеть в ухе.

– Убери эту ненормальную от телефона, – обращаюсь к Ангелине. – У меня сотрясение, а она орет, хочет наверно, чтобы я тут навечно осталась.

Ангелина что-то шепотом говорит Кире, и я слышу растерянное: «я забыла».

– Мы почти поднялись, никуда не уходи.

Она отключается, и я кладу телефон на тумбочку у кровати. Да куда же я тут уйду? Надо собраться и позвонить маме – это самое сложное. Она иногда мнительная и еще переживает за меня. Например, не хотела, чтобы я сдавала на права, и сама ездила на машине, говорила, что это опасно. Хотя сама тоже ездит за рулем. А сейчас получается, что я пострадала просто по своей глупости и невнимательности, будучи даже простым пешеходом.

Опасность всегда кроется в мелочах. Можно всю жизнь работать промышленным альпинистом и спокойно дожить до старости, ни разу не пострадав. А можно как я, быть редактором, сидеть в офисе большую часть времени в тепле и при этом чуть не умереть от случайного стечения обстоятельств: моей задумчивости и появившейся машине именно в этот момент.

Дверь открывается и в палату входят мои подруги. Три девушки примерно одного возраста. Блондинка подбегает ко мне первая, сначала порывается обнять, но останавливается и смотрит своими голубыми глазами на мою руку в гипсе. Ангелина. Аккуратно обнимаю ее сама.

Брюнетка подходит следом и окидывает меня взглядом:

– Ты как будто еще больше похудела за несколько часов, что я тебя не видела.

Кира сидела у меня до поздней ночи, помогала с текстом про авиастроение.

– Тебе кажется. Просто меня всю загипсовали, утянули мой тонкий слой жирка, – шучу и одновременно тяну к ней руку, чтобы обнять.

– Может мне тоже к тебе лечь сюда? – она отстраняется и смотрит на соседнюю кровать. – Похудею на какой-нибудь больничной диете и пусть меня перебинтует красивый врач.

Я улыбаюсь от ее слов. Она в любой ситуации найдет повод пошутить и поднять всем настроение. Слышу всхлип за спинами подруг, они поворачиваются, а я выглядываю поверх их голов.

– Ты чего плачешь, дуреха? – смотрю на четвертую, рыженькую Ингу.

Она подходит и смотрит на меня своими огромными карими глазами полными слез.

– Я так перепугалась за тебя! Представила, что было бы, если бы машина ехала быстрее и… и… – она снова всхлипывает и бросается ко мне.

Я не сдерживаюсь и стону от боли – она слишком сильно сжала мне ребра в объятии.

Инга ойкает и тут же отстраняется, извиняясь:

– Прости, забыла, что ты и тут поломана, – она тычет пальцем мне в район легких.

– Не поломана, всего лишь ушиб ребер. И ты слишком впечатлительна, – глажу ее по волосам, успокаивая. – Так нельзя! Со мной все хорошо, видишь? Даже стою на своих двоих и точно буду жить.

Инга улыбается, но смотрит на меня с грустью.

– Да перестань! – Кира дергает ее за руку. – Она нормально себя чувствует и даже выглядит как всегда прекрасно! Ты точно попала под машину?

Подруга сводит брови и не много отходит, чтобы посмотреть на меня издалека. Я фыркаю и забираю сумки у них из рук. Хочу переодеться и отдать грязную одежду. Все-таки после валяния на мокром асфальте она выглядит не совсем свежо.

Девочки садятся на пустую кровать и молча смотрят на меня в три пары глаз. Я одной рукой перебираю сумки и достаю легинсы с толстовкой. В больнице прохладно. В другой сумке замечаю свой домашний ноутбук. Поворачиваюсь и смотрю на Ангелину.

– Какая ты догадливая! Я даже не додумалась тебя попросить взять его, – достаю ноут и кладу на кровать.

– Я знала, что ты захочешь поработать. Да и фильмы можно посмотреть.

Шлю ей воздушный поцелуй. Она улыбается. Теперь надо переодеться. Инга первая вскакивает и помогает мне снять одежду. В три руки у нас это получается почти быстро. Кладу в одну из сумок грязную одежду и отдаю назад Ангелине.

Мы посидели еще немного. Поговорили. Я рассказала девочкам все, что узнала от врача. Подруги успокоились и уже не смотрели на меня, как на умирающую. Меня это радовало. Попросила их не звонить мне каждые пять минут и жить обычной жизнью. Договорились, что лучше будем переписываться в нашей группе. Попрощались, обнимаясь все вместе.

Как только девочки вышли из палаты, я набралась смелости и позвонила маме. Долго слушала ее причитания, успокаивала потом еще минут десять и еле уговорила не ехать ко мне сегодня через весь город после работы. Завтра выходной и она могла приехать ко мне спокойно, не торопясь среди ночи. Когда мамин голос стал обычным и она перестала плакать, мы попрощались.

С мамой у меня нормальные отношения. Просто она более эмоциональна, чем я. И иногда мы с ней не сходимся во мнениях, из-за этого возникают споры. Я отличаюсь небывалой настойчивостью и упрямством. Но это не портит наши отношения. Будучи взрослой, я научилась успокаивать ее и даже уступать в чем-то, когда того требует ситуация.

Ближе к обеду мне поставили капельницу и дали лекарства. Лежала полчаса с иглой в руке и смотрела в потолок, думая о том, как тут медленно тянется время. За то голова, благодаря таблеткам, стала меньше болеть.

Сначала я обрадовалась, что меня положили одну, что не придется общаться с другими больными. Но уже через три часа после капельницы мне стало скучно. Девочки работают, и я не могла их отвлекать звонками с целью развлечь меня. Да и не по мне такое поведение.

Решила выйти из своей палаты и оглядеться. Длинный коридор и множество дверей, из которых слышались голоса. Слева в конце было окно, рядом с ним стояли и разговаривали мужчины. Справа находился коридор, который вел к операционным.

Я дошла назад до своей палаты и остановилась. Напротив слышались женские голоса. Дверь была открыта, и я решила заглянуть туда. Поздоровалась со всеми и огляделась. Там лежали по шесть человек. Четыре кровати были заняты. Две женщины за сорок лет и две пожилые. Ко мне сразу же отнеслись по-доброму и стали задавать вопросы: как меня зовут и как я сюда попала.

Села на пустую койку и рассказала все вкратце. Мы разговорились, и я осталась посидеть здесь до ужина. Все-равно делать было нечего.

Женщины угостили меня фруктами. И я решила поспрашивать их о больнице, распорядке дня и времени для посещения. А еще узнала, как зовут моего лечащего врача и медсестру, молодую девушку тоже моего возраста.

– Если у тебя есть вопросы к твоему врачу, лучше спроси сейчас, потому что завтра с утра на смену заступает другой врач, тоже мужчина, – говорит одна из женщин, Светлана, кажется.

Я мну в руках корку апельсина и после ее слов почему-то зацикливаюсь на мысли об этом враче. В груди тут же возникает не понятное мне чувство. Это интуиция вперемешку с пониманием того, что я очень хочу его увидеть. И будто заранее знаю, что эта встреча не будет обычной, что человек, которого увижу завтра, изменит мою жизнь.

Хмурюсь и пугаюсь этих чувств. Что это вообще такое? Я никогда не страдала пустыми мечтами, а сейчас почему-то думаю о нем как о ком-то важном для меня, не зная и даже ни разу не видя его.

После этих мыслей мне не спокойно. Прощаюсь со всеми и ухожу к себе перед ужином.

Остаток вечера проходит за редактированием текста. Работа всегда помогала мне забыться. К завтрашнему обеду мне нужно закончить статью и скинуть ее начальнику. Хоть он всячески меня отговаривал и пытался отдать всю мою работу коллегам, я все-равно отстояла свое. Упрямство мне не занимать.

Глава 2

Я проснулась в семь утра с больной головой и ноющими костями. Кое-как оделась и привела себя в порядок. Сначала хотела накраситься, а потом бросила эту идею. Делать макияж одной рукой – то еще мучение.

Вчера мне сказали, что утренний обход будет с восьми утра. Смотрю на время, осталось десять минут. Решила не сидеть одна, а пойти в соседнюю палату. Захожу, со всеми здороваюсь и сажусь на пустующую кровать у окна, смотрю на улицу. Сегодня пасмурно и ветрено. Скорее всего будет дождь.

Мы со Светланой обсудили наши болезни, прошедшую ночь, а еще я рассказала историю как мы познакомились с подругами, чтобы скоротать время и отвлечься самой.

На часах уже пол девятого. Все сидим на кроватях. Я почему-то не могу сосредоточиться на одной мысли и сильно волнуюсь, что мне не свойственно.

В коридоре слышатся голоса медсестер. Мужской голос что-то им отвечает. Очень приятный голос. Чувствую, как у меня напрягаются мышцы шеи, и я хватаюсь за край кровати, прислушиваясь. Но голоса утихли, и я во все глаза уставилась на дверной проем.

Заходит медсестра, а следом врач. Я не вижу его лица, он сразу поворачивается ко мне спиной, разговаривая с пожилой пациенткой. Обвожу взглядом его плечи и замираю, слушая. Этот голос. С низкими нотками, бархатистый, он будто обволакивает и проникает куда-то вглубь меня, заставляя проснуться давно забытые чувства. Я слушаю и не могу поверить своим ощущениям. Как, еще не видя, ничего о нем не зная, просто один раз услышав, может проснуться желание ему довериться, отдаться и полностью принадлежать.

На мгновение закрываю глаза, чтобы успокоить свое бешено стучащее сердце. Мужчина поворачивается в мою сторону и подходит ближе. Он в медицинской маске, но я вижу глаза. Карии. Смотрю в них и понимаю, что теряю себя.

– Как ваше самочувствие?

– Нормальное. Не расскажете, что у меня по анализам?

Нет, не нормальное. У меня аритмия от вас, доктор. Выйдите скорее из палаты.

– По анализам, которые пришли, все хорошо. Но часть еще в лаборатории. Зайдите ко мне через час в ординаторскую.

Я просто киваю в ответ, понимая, что сейчас если начну говорить, то буду либо заикаться, либо мямлить. Он отворачивается и интересуется самочувствием у остальных пациентов. Я не слушаю их ответы, а просто смотрю на него, стараясь запомнить каждое движение, каждый жест и его голос, от которого у меня бегут мурашки по рукам. Мы не сказали друг другу и трех предложений, а мне показалось, что разговаривали целую вечность.

Он, дав каждому указания по лечению, выходит вместе с медсестрой, оставив меня с бурей эмоций в душе.

Через минут пять я выхожу в коридор и иду к окну, мне нужно прийти в себя и подумать над тем, что произошло.

Признаюсь самой себе, что никогда в жизни ничего подобного не чувствовала. Никогда меня так сильно с одного взгляда не цеплял ни один мужчина. И никогда в сердце не поднимались такие чувства от одного голоса. Словно моя душа ожила и жаждала теперь только одного – его присутствия рядом.

Я такая сосредоточенная и размеренная всю жизнь была словно во сне, а сейчас будто проснулась и все эмоции свалились на меня в один миг, застав врасплох. Понимаю, что это ненормально, что так не должно быть. Поэтому решаю все пресечь на корню. Как только спущусь к нему в ординаторскую буду вести себя нормально, обыкновенно, как и со всеми людьми. Быстро поговорю и выйду, не дав волю эмоциям. План готов. Ничего сложного.

Через час после того, как я закончила редактировать статью и скинула ее начальнику на почту, спускаюсь на нижний этаж и прохожу по длинному коридору к двери в конце. Замедляю шаг. Сердце снова начинает свой бешенный танец. Да что же это такое? Так. Возьми себя в руки. Вздыхаю пару раз, успокаиваюсь и стучусь в дверь. Открываю, не дожидаясь «входите». Слева сидит врач, но не мой. Встаю в ступоре, как всегда, когда события развиваются не по плану.

– Вам доктора Назара? – он спрашивает меня, опережая.

– Да, он, наверно. Врач, который дежурит сегодня, – к своему стыду, понимаю, что даже не знаю, как его зовут.

– Да-да. Он вышел, подождите его в коридоре.

Благодарю и выхожу из кабинета. Сажусь на скамейку рядом и пытаюсь вспомнить его имя, которое только что услышала. Черт, не запомнила. Что с моей памятью? Поднимаю глаза на стену напротив и вижу множество плакатов со всеми работающими врачами, медсёстрами и санитарками. Чуть не подпрыгиваю от счастья. Но не успеваю пробежаться глазами, чтобы найти его фото, как слышу шаги. Поворачиваюсь в сторону звука и тут из-за угла выходит он. Мы встречаемся глазами. Сердце на миг замирает.

– Вы ко мне? – он останавливается у двери и смотрит на меня сверху вниз.

– Да, вы сказали прийти через час, – говорю спокойным голосом без дрожи и радуюсь этому про себя.

– Подождите меня здесь.

Он зашел в кабинет, а я снова обратилась к плакатам. Нашла его фотографию и прищурилась, пытаясь рассмотреть имя. Было плохо видно из-за полумрака в этой части коридора. Я подвинулась на край скамьи и положила локти на колени, немного расставив ноги.

Дверь открылась и вышел он. Я тут же перевела взгляд на его лицо и увидела, как он, окинув взглядом мою фигуру, зло прищурился.

Не поняла сначала таких перемен, пока не услышала:

– Не сидите так. Не надо.

Я выпрямилась и закинула ногу на ногу, смотря на него.

– Как так? – спрашиваю только, чтобы задеть его, хотя уже понимаю, в чем смысл сказанного.

Он обходит меня и отвечает:

– Как бродяжка на вокзале. Некрасиво для такой милой девушки.

Его прямой ответ вгоняет меня в ступор, и я не придумываю ничего колкого, чем могла бы парировать ему. Да и вообще, какая ему разница, как я сижу?

Встаю, думая, что он будет разговаривать со мной стоя. Но он садится на скамейку, и мне ничего не остается, как снова сесть, злясь на себя. Почему у меня такое глупое поведение как у подростка?

Поворачиваюсь к нему и улавливаю запах парфюма. Он хочет добить меня прямо здесь? Мой разум приходит в восторг от этого запаха. Что-то терпкое, манящее. Я собираюсь и пытаюсь заставить себя нормально соображать. Смотрю на него. Прямо в глаза. Это немного отрезвляет.

– Я пришла узнать по анализам, – говорю тише, чем обычно.

– Да, я понял. Все хорошо, никаких отклонений нет.

– Значит, я могу не волноваться? – зачем-то уточняю и удивляюсь себе, не хотела ведь затягивать разговор.

– Можете не волноваться, – он улыбается.

Смотрю на эту улыбку, снова в глаза, а потом в общем на его лицо и в душе разливается какое-то тепло. Не сдерживаюсь и улыбаюсь ему в ответ. Он опускает взгляд на мои губы. Всего

какие-то секунды, но этого хватило, чтобы мое сердце забилось быстрее. Один его взгляд, а я уже потеряла все свое самообладание.

Внутренне пинаю себя, надо уходить отсюда побыстрее.

– Спасибо вам.

Он снова улыбается. Боже мой, перестань это делать!

– Да не за что. Обращайтесь, если что.

Мы одновременно встаем. Он заходит в ординаторскую, а я ухожу еле сдерживаясь, чтобы не улыбаться, как идиотка. Губы так и просятся растянуться в улыбке от его взгляда на меня. Прокручиваю в голове наш диалог и понимаю, этот мужчина зацепил меня своей прямолинейностью. Мне трудно в таком признаться даже самой себе и, если честно, страшно. Я умею держать эмоции под контролем, но с ним это не срабатывает. Он действует на меня словно магнит: вытягивает все мои запрятанные чувства. Я никогда ничего подобного не испытывала, просто глядя на мужчину.

Медленно поднимаюсь на свой этаж, ребра ноют и не дают сосредоточиться на мыслях. Решаю, что лучшее отвлечение от всех испытываемых эмоций – это работа. Захожу к себе в палату, беру ноутбук и иду в соседнюю. Одной сидеть мне тоже не хочется. Женщины рады мне и приглашают поседеть с ними. Мы немного поговорили, и я села за статью, которую вчера ночью писала совместно с Кирой.

Через час в группе пишут девочки, спрашивают о моем самочувствие. Сижу минут пять с телефоном в руке и не знаю, что ответить. Если напишу, что все нормально, будет ли считаться это враньем? Ведь мое душевное состояние оставляет желать лучшего.

Телефон снова звякнул в руках. Это Ангелина заволновалась из-за моего молчание. Пишу, что все хорошо и единственный дискомфорт, который испытываю – это зуд под гипсом. Подруги смеются. Мы еще немного пообщались. Ангелина передала пожелания коллег и начальника о скорейшем выздоровлении.

Только отложила телефон и взяла ноутбук, как в палату заходит мужчина лет пятидесяти. Сначала я его не узнала. Но как только он поздоровался и направился ко мне, вспомнила. Это тот, к кому я выскочила под колеса машины. Резко встаю и сразу жалею об этом. Закружилась голова и я схватилась за спинку кровати.

– Осторожнее, девушка, – он подходит и придерживает меня за локоть.

– Спасибо. Извините меня пожалуйста, увидела вас и мне снова стало стыдно. Из-за моей невнимательности у вас теперь проблемы.

Мы садимся на кровать, и он протягивает мне пакет с фруктами.

– Не волнуйтесь, все не так плохо. Во дворе были камеры, и я ехал с разрешенной скоростью. Как вы себя чувствуете?

– Спасибо за фрукты. Относительно хорошо. Через месяц буду уже здорова, – я улыбаюсь ему, но все-равно чувствую неловкость. – Как только меня выпишут из больницы, я сразу пойду напишу заявление, что у меня нет к вам претензий.

– Хорошо, спасибо. Меня Николай зовут, – он протягивает руку, и я пожимаю ее.

– Алиса.

– Очень приятно. Если вам что-то понадобиться, звоните.

Мы обменялись телефонами и договорились, что вместе поедем в отделение полиции.

Николай ушел, а я решила размять кости и пройтись по больничному коридору, прислушиваясь к голосам и ища только тот, который узнаю из тысячи. Подошла к окну и вздохнула. Зачем я это делаю? Как бы не пыталась себя убедить не поступать глупо, все-равно совершаю странные поступки.

Вернулась в палату, достала наушники и села смотреть фильм. Надо отвлечься. Через минут десять в палату заходит он и я вздрагиваю. Смотрю на время. Одиннадцать утра. Вытас-

киваю наушники и во все глаза пялюсь на него. Вроде бы еще нет обеденного обхода, зачем он пришел?

– У вас все хорошо? – врач задает вопрос и смотрит на нас всех по очереди, задерживая взгляд на мне чуть дольше, чем на остальных.

Я улыбаюсь, не сдерживаясь. Просто не могу реагировать на него по-другому.

– Все хорошо.

Мы еще какое-то мгновение смотрим друг на друга и у меня внутри начинает бушевать пожар. Он опускает взгляд и снова смотрит на мои губы. Я начинаю улыбаться еще сильнее, и он отвечает мне тем же. Последний взгляд друг другу в глаза, и он уходит, оставив меня слушать его шаги по коридору.

Смотрю на Светлану и вижу безмолвный вопрос в ее глазах. Чувствую, что начинаю краснеть. Это что еще такое? Чтобы я краснела! Да такого в жизни не было!

– Он странно на тебя смотрел, – она заинтересованно оглядывает меня, – а ты покраснела.

– Просто голова разболелась от ноутбука, – пытаюсь правдоподобно врать. – Да и он смотрел как обычно, тебе показалось.

– Пусть будет так, – она все так же с прищуром смотрит на меня, но больше ничего не добавляет.

Снова надеваю наушники и утыкаюсь в ноут. Делаю вид, что мне очень интересно, а сама думаю о том, что произошло. Мне показалось? Да, наверняка показалось. Просто я накручиваю себя и придумываю то, чего нет. Перед глазами встает его лицо и этот взгляд на меня. Совсем не такой, как на остальных пациентов. Черт. Мне не показалось! В душе возникает безумная радость, сердце колотиться и начинают потеть ладони. Я прикладываю руку к груди, пытаясь успокоиться.

Никогда не видела себя такой. Я довольно красивая девушка, не обделенная мужским вниманием. Даже можно сказать излишним вниманием. Но я всегда оставалась холодна ко всем. Мне делают много комплиментов, и я принимаю их с легкой улыбкой, как данность. Ни один мужчина не трогал мое сердце и не вызывал такие эмоции. Ни к кому я не испытывала такое влечение, как к нему.

Он трогает мою душу, то, что я так глубоко прячу и никому не показываю. Чувства, которые он разбудил во мне – пугают. Я хочу его видеть. Чувствовать. Быть рядом.

Сдергиваю наушники и вскакиваю, забыв про ребра. Они начинают ныть, но мне все-равно. Я быстро выхожу из палаты и иду в свою. Хожу по ней взад-вперед и тяжело дышу. Я не хочу этих чувств. Эти эмоции не нормальны для меня. Я становлюсь зависимой и не могу себя контролировать. Останавливаюсь и глубоко дышу. Я должна это прекратить. Снова запереть все чувства и не показывать их. Особенно ему.

Дверь в палату открывается, и я вздрагиваю, чувствуя страх. Но это всего лишь Света. Я совсем чокнулась похоже.

– Все хорошо? – она окидывает меня взглядом. Наверно я выгляжу растерянной. – У тебя телефон звонил.

– Да, все хорошо, просто зарядку надо взять, – в подтверждение своих слов достаю кабель из сумки и забираю у нее телефон из рук. – Спасибо, Свет.

Она кивает и выходит. Я смотрю на экран, звонила мама. Сразу перезваниваю. Возможно, она подъехала к больнице и ее надо сориентировать.

– Доча, привет, я на парковке. Как к тебе попасть? Ограничений никаких нет по посещению?

– Привет, мам. Нету. Поднимайся через приемный покой на третий этаж, потом проходишь по коридору и там в конце будет лестница, на четвертый. Палата четыреста третья.

– Хорошо, разберусь. Жди меня.

Она отключилась, а я села на кровать, как мне и велели, ждать. Через десять минут дверь открывается и заходит женщина чуть ниже среднего роста, с русыми волосами до плеч и голубыми глазами – моя мама. Я встаю и обнимаю ее, она смотрит на меня и гладит по волосам.

– Как так получилось, Алис?

– Не знаю, мам. Шла и тут машина. Очнулась – гипс, – поднимаю поломанную руку и машу ей, смеясь.

– Тебе лишь бы шуточки шутить, Алиса! – она цыкает и строго смотрит на меня.

– Что теперь сделаешь. Не плакать же? Вот так один миг и жизнь изменилась.

Мы задумчиво смотрим друг на друга. Потом мама приходит в себя и ставит сумку на кровать, начиная оттуда доставать воду, печенья, йогурты, бананы и шоколад.

– Решила купить тебе хоть что-то перекусить, а то знаю я как кормят в больницах.

– Спасибо большое! – целую ее и отрываю один банан от связки.

– Что говорят врачи по твоему состоянию?

– Все нормально, лечусь и выписываюсь отсюда. Не знаю сколько буду тут находиться, но больничный откроют на месяц, – говорю немного не разборчиво, жуя банан.

– Хорошо, а твой лечащий врач это который сегодня работает?

– Нет, это дежурный врач, а мой другой. А что? – интересуюсь из-за подозрительного вопроса.

– Симпатичный такой. Понравился мне.

Перестаю жевать и смотрю на маму. Впервые от нее такое слышу, чтобы она при мне похвалила какого-то мужчину. Ну конечно, и этот мужчина должен был быть именно он.

– Где ты успела его увидеть, что он тебе сразу понравился? – смотрю на нее из-под лобья.

– В коридоре пересеклись и я сразу его приметила.

– Спасибо, мам, – бурчу себя под нос, но она все-равно услышала.

– Что такое? Тебе он не нравится? Плохой доктор? – она села рядом и теперь выжидательно смотрела на меня.

О-о-о, мама, мама. Ты даже не представляешь, насколько он нравится твоей дочери.

Отвожу свой взгляд от нее. А то она так пристально смотрит, что мне не по себе. Еще увидит тот пожар, который твориться у меня внутри.

– Он хороший врач, обычный человек, ничего примечательного, – вру отлично.

Она еще раз окидывает меня взглядом, но не продолжает свой допрос.

– Когда тебя выпишут, не знаешь еще? – она берет мою левую руку в гипсе и осматривает ее.

– Не знаю, мам, но я себя хорошо чувствую, так что надеюсь на долго меня тут не задержат.

– Девочки уже приезжали к тебе? – она гладит меня по здоровой руке. – Доча, ты так нас всех заставила поволноваться!

– Все хорошо, мам, – я целую ее в щеку, успокаивая. – Девочки приезжали, конечно, кто ж мне тогда одежду привез?

– Да, точно, – она машет рукой, – запамятовала от переживаний. – Ты главное слушай врачей и не смей упрямиться, а то знаю я тебя.

– Хорошо, мам, обязательно, – я соглашаюсь с ней, слыша ее строгий тон.

– Ладно, Алис, поеду я. Звони, если что-то понадобиться.

Мы обнимаемся и прощаемся. Мама напоследок дает указание не сидеть долго за ноутбуком, чтобы не болела голова. Согласно киваю.

Зашла медсестра с капельницей, и я ложусь на полчаса смотреть в потолок, погружаясь в свои мысли. Попросила ее не закрывать дверь. Понятно почему, да?

Прислушиваюсь, в коридоре тихо – обеденное время. Большинство пациентов спят. Моего врача тоже нет, наверно делает кому-то операцию. Это может быть и на несколько часов. Мой врач. Произношу это у себя в голове еще раз и закатываю глаза. Остановись, Алиса.

Через полчаса возвращается медсестра и забирает капельницу. Я беру зарядку и иду в палату через «дорогу». Перекидываюсь парой слов с Светой и сажусь досматривать фильм.

Не могу сосредоточиться. Какое-то странное чувство, будто меня укусила пчела, на яд которой у меня аллергия. Очень сильно чешется горло. Решаю подождать еще немного, возможно, мне кажется.

Нет, не кажется, через десять минут начинает опухать шея и становится трудно дышать. Я решаю спуститься на этаж ниже и найти его. Мне еще аллергии не хватало, что же это такое? Жизнь будто издевается надо мной.

Почти дошла до ординаторской, но тут выходит медсестра, прям мне навстречу.

– Что-то случилось?

Немного разочаровываюсь. Чуть-чуть оставалось дойти до его кабинета.

– Похоже у меня аллергия. Горло опухло и трудно дышать.

– Да ты что! Пойдем сделаю тебе укол.

– А врачу сказать не надо? – все еще ищу повод в надежде на встречу с ним. Я очень логична, правда?

– Я ему сама скажу.

Она идет к двери, где хранятся лекарства. Мне ничего не остается как следовать за ней. Аня колит мне антигистаминное и уже через десять минут мне становится легче. Благодарю ее и поднимаюсь к себе на этаж.

Остаток дня проходит спокойно. Я занималась всем, чем можно заниматься сидя в четырех стенах: прошлась по этажу несколько раз, посмотрела сериал, послушала музыку, поговорила с соседками по палате и даже сходила в душ. Вечером написала Ангелина, сказала, что завтра приедет. Когда время приблизилось к вечернему обходу, я снова начала волноваться и смотреть на дверь. Услышав голоса в коридоре, села на кровать и приготовилась ждать.

Он зашел и сначала даже не взглянул на меня, начал спрашивать про самочувствие у других пациентов. Я сжала губы и отвернулась. Меня это задело. Смотрю в пол и понимаю, что раньше никогда нельзя было задеть мое самолюбие, я просто не обращала внимания на такое поведение мужчин.

– У вас как дела?

Поднимаю голову и наши взгляды сталкиваются. Стараюсь смотреть на него холодно.

– Хорошо, но в обед была аллергия на какой-то препарат.

– Почему мне не сказали? – он смотрит на меня снова с какой-то злостью.

– Потому что сказала медсестре, а она сказала, что передаст вам.

– Не надо передавать через кого-то. Я врач, а значит надо говорить мне напрямую.

Ого, он реально злится. Смотрю на него и не понимаю, что происходит.

– Хорошо, я поняла. Если что-то вдруг будет, скажу сразу вам.

Он кивает, а я внутренне сжимаюсь, чувствуя его злость конкретно на меня.

– Аллергия была после капельницы? – спрашивает более спокойно.

– Да, в течение полу часа где-то после нее.

– Хорошо, больше капельницы вам не ставим. Оставляем только лекарства.

Теперь киваю я. Он еще раз окидывает меня взглядом и выходит из палаты, даже ни разу не улыбнувшись мне. Что за смена настроения такая? Понимаю, что весь наш разговор дышала через раз. Может, день у него был тяжелый или проблемы какие навалились? Но не может же быть, что он так разозлился, потому что я не сказала ему о своем самочувствие? Бред. Зачем ему так переживать обо мне?

После ужина на меня накатила какая-то слабость. Прощаюсь со всеми и иду к себе в палату спать.

Глава 3

Воскресенье. Просыпаюсь от ужасной боли в горле и ноющей в висках. Замечательно. К моему состоянию добавилось теперь еще и это. Я что, заболела? Еле поднимаюсь, на часах семь утра. Пишу сразу Ангелине, чтобы взяла мне лекарства от простуды и градусник. Настроение хуже некуда. Пытаюсь привести себя хоть немного в порядок. Получается так себе, но мне все-равно.

Телефон звякает, подруга в шоке и пообещала привести мне всю аптечку. Улыбаюсь. Она как всегда впечатлительна.

Иду в соседнюю палату. Сегодня, по сути, должен на дежурство заступать другой врач. Спрашиваю у Светы, не знает ли она, кто будет.

– Я не знаю, посмотрим, – она пожимает плечами.

Рассказываю ей о своем самочувствие и об опасении заразить тут всех. Она машет рукой. Все-равно тут все чем-то болеют.

Ловлю себя на мысли, что мне грустно и это отчасти, потому что, сегодня будет другой врач. Хотя может оно и к лучшему? Все эти чувства, нахлынувшие из-за этого мужчины, делают меня зависимой от него.

Я так была погружена в свои мысли, что очень удивилась, когда человек, о котором я думаю появился в дверях палаты. Даже сначала не поверила увиденному. Но нет. Это он. Как так? Не может же быть что он дежурит вторые сутки подряд, или может?

Врач проходит на середину палаты и задает, как всегда, вопрос о нашем самочувствие. Когда его взгляд направляется на меня, я пытаюсь сдержаться, чтобы не рассмеяться от комичности ситуации. Ведь у меня каждый день какая-нибудь новая болезнь.

– Не знаю, как сказать…

– Говорите, как есть, – он перебивает меня и улыбается.

Очень радуюсь его хорошему настроению в отличии от вчерашнего вечера.

– Я, кажется, простудилась. Температуры нет, но очень сильно болит горло. Я могу пить противовоспалительные препараты?

Вижу в его взгляде веселье и мне тут же становится лучше, он будто заряжает меня.

– Можете, конечно, ничего страшного в этом нет. Если поднимется температура, скажете медсестре, она уколет вас.

– Хорошо, – искренне улыбаюсь ему и замечаю, как его взгляд на меня теплеет.

Кажется, сейчас у меня поднимется температура от него. Он начинает переговариваться с медсестрой и выходит. А я продолжаю улыбаться, словно дурочка, прокручивая наш диалог и его реакцию у себя в голове.

Иду в свою палату, чтобы ко мне не было лишних вопросов из-за моих эмоций на лице. Написала Ангелина, она через час будет у меня. Сажусь за работу, пока позволяет состояние, потому что знаю, что к вечеру температура точно поползет верх.

Только сосредоточилась на тексте, как звонит Кира.

– Привет, бедовая ты наша, как твое самочувствие?

– Вот это ты сказала в точку. Я заболела, а еще у меня вчера была аллергия, – открываю йогурт и отпиваю, пока жду, когда подруга придет в себя от услышанного.

– Ты точно решила там задержаться на месяц?! – слышу голос Инги.

– Вы вдвоем? Чем там занимаетесь? – задаю встречный вопрос.

– Мы у Инги, только проснулись. Я решила потусить у нее дома на выходных, у нас совместный сложный проект. Так что там у тебя? Ждем ответа!

– Да ничего такого. Аллергия на лекарство какое-то было. А сегодня проснулась и поняла, что заболела. Скажите, где я так согрешила? – ставлю телефон на громкую связь и подпираю голову рукой.

– Жизнь просто пытается тебе что-то донести или показать. Но это точно не просто так все происходит, – задумчиво говорит Инга и я согласно киваю.

– Да, например, что надо перестать считать ворон и нормально переходить дорогу, – шучу, а сама думаю о других вещах.

Возможно, Инга права.

– И это тоже, конечно. Но вообще я о другом. Ты умная, уверена сама все поймешь. Мы же знаем, что ты держишь все эмоции в себе, а надо делиться ими, хотя бы с нами и тогда ты не будешь так часто погружаться в свои мысли и в самобичевание.

– Она права, – Кира поддерживает подругу. – Ты всегда прячешь эмоции за своими шутками.

– Я и сама понимаю, но так мне легче жить, пряча все в себе. Может быть, после этого случая я смогу делиться хотя бы с вами.

– Мы всегда будем рады тебя выслушать, – девочки на перебой кричат мне это в трубку.

– Хорошо, что вы есть, – улыбаюсь, произнося это.

– Хорошо, что ты тоже все еще есть, – говорит Инга.

– Да, хорошо, что не лежишь раздавленная машиной, – а это конечно Кира.

– Все-все, я вас поняла!

Мы смеемся и прощаемся. Я кладу телефон на тумбочку и задумываюсь. Может быть, мой организм не выдержал такого наплыва чувств всего за каких-то два дня? Ведь раньше я никогда не давала волю эмоциям. Всегда была сдержанна, и уж тем более в моих мыслях никогда не было места для кого-то, особенно для мужчины.

Как-то странно я заболела всего за несколько часов. Да и поблизости не вижу больных простудой. Наверно, правду говорят, что человек, который долгое время сдерживает все эмоции в себе, в скором времени почувствует, что болен. И вылечить его сможет только тот, кто стал причиной этой болезни и освободившихся чувств.

Думаю только об одном человеке. О нем.

Падаю на кровать и закрываю глаза рукой. Что за мысли у меня в голове? Беру ноутбук и сажусь работать. Лучше так, чем снова начинать это самокопание.

Через час ко мне приходит Ангелина с спасительными лекарствами. Сразу закидываюсь таблетками от простуды. Подруга смотрит на меня вопросительно и странно окидывает взглядом.

– Чего ты так смотришь? – запиваю лекарства и кошусь на нее.

– Ты заболела…

– Да, что здесь такого?

– Я-то знаю, что ты болеешь только тогда, когда в твоей жизни происходит что-то такое, что заставляет чувствовать не в своей тарелке. Ты последний раз болела четыре года назад.

Вот же проницательные у меня подруги. Пью воду дольше, чтобы потянуть время.

– Я попала под машину, вот и результат.

– Да? – она еще раз пристально смотрит, – ну ладно.

– Что ну ладно? Как будто попасть под машину это обычное дело для меня! Каждый день хожу и попадаю то под красные, то под синие! Хобби такое.

Подруга сначала округляет глаза, а потом начинает смеяться. Я злюсь, но тоже подхватываю от ее заразительного смеха.

– Я представила… – она вытирает слезы, – представила тебя за таким занятием. А знаешь, это очень по тебе, я бы ни капельки не удивилась.

– Ну не говори ерунды, – толкаю ее в район ребер. – Я что, похожа на ненормальную? Под машины сигать.

– Очень похожа, – она говорит и вскакивает с кровати, отбегая, чтобы я не успела ущипнуть ее.

– Будешь умничать, Артуру на тебя пожалуюсь, чтоб приструнил тебя.

Она приглаживает свои светлые волосы и говорит, смотря куда-то в потолок:

– Вот бы тебе кого-нибудь встретить, чтобы я тоже могла ему пожаловаться. И он приструнил твой буйный нрав! – последние слова она говорит на повышенных тонах и многозначительно на меня смотрит.

– Хотела бы я тоже посмотреть на него. Сомневаюсь, что кто-то будет в восторге от меня и уж тем более от моего характера.

– Вот посмотришь, ты встретишь его, и я уверена, он точно не скажет тебе, что у тебя какой-то не такой характер. Будет любить просто за то, что ты – это ты.

– Красиво сказала, запишу себе в блокнотик, – чиркаю в воздухе рукой на манер письма.

Ангелина вздыхает, но больше ничего не говорит. Мы посидели еще не много. Обсудили работу и то, что твориться в офисе. Подруга пожаловалась, что ей без меня скучно и наказала быстрее выздоравливать. Согласна с ней. Мечтаю уже поскорее выйти на работу. Потом ей позвонил Артур, порывался подняться ко мне, и я еле его остановила. Не хочу, чтобы меня кто-то видел в таком состоянии кроме мамы и подруг. Он передал привет и сказал Ангелине, что ждет ее внизу на больничной парковке. Подруга расцвела и ускакала к нему, чмокнув меня на прощание. Любовь, что сказать.

Ближе к вечеру мы со Светланой прошлись по коридору и спустились на этаж ниже, она хотела задать вопрос врачу по поводу своего лечения. Света предложила составить ей компанию и я, конечно, согласилась.

Дойдя до двери ординаторской, стучимся, она заходит, а я остаюсь снаружи в надежде, что он выйдет. Через несколько минут Света выходит сама, а я невзначай заглядываю ей через плечо, но его не вижу. Чувствую разочарование.

– Сейчас вечерний обход будет, врач сказал, чтобы к себе возвращались, – говорит Света.

Поднимаемся на свой этаж и заходим в палату. Я меряю температуру, чтобы сообщить ему, если вдруг спросит. На дисплее градусника замигало 37,5. Терпимо.

Дверь открывается и в палату заходит медсестра с врачом. Он сразу смотрит на меня каким-то хитрым взглядом. Я теряюсь, не зная, как себя вести. Это новая игра какая-то?

– Что скажете про ваше самочувствие? – он подходит ближе ко мне и внимательно смотрит.

– Все хорошо, если бы не простуда.

– Температура есть?

– Да, небольшая, – беру градусник и протягиваю ему.

– Если ночью поднимется, найдите меня.

Мы с медсестрой переглянулись.

– Может лучше ко мне пусть подойдет? – она спрашивает и смотрит на него.

– Нет, – он все так же не отрываясь смотрит на меня, – зайдете ко мне в ординаторскую, если будет высокая температура. Хорошо?

– Хорошо.

Ого, что за напор. И мне определенно такое нравится.

Пока он смотрит у другой пациентки швы, я не заметно выхожу из палаты и иду к себе. Хочу принять прохладный душ, может получится сбить температуру без лекарств. Беру полотенце, косметичку и сменную одежду. Выхожу и сталкиваюсь с ним. Он обводит взглядом все мои принадлежности в руках.

– Куда направляетесь?

– В душ, – немного смущаюсь, – можно?

– Можно, но сильно не увлекайтесь, чтобы вас не продуло.

– Как скажете, – улыбаюсь от его заботы, он отворачивается, но я успеваю заметить ответную улыбку.

Выхожу из душевой минут через двадцать, купаться с гипсом не так уж и легко. В коридоре тишина, все уже спят. Иду по своему этажу и понимаю, что царапины на руке и животе неприятно щиплют. Нахожу медсестру и прошу ее их обработать.

– Конечно, пойдем.

– Я вам наверно доставляю столько хлопот, мне прям неловко. Уже ночь, все спят, одна я брожу здесь.

Она улыбается:

– Не больше, чем другие пациенты. Вот так, теперь должно быть полегче.

Смотрю на живот и руку, правда легче.

– Спасибо вам огромное!

Тихо поднимаюсь по ступенькам и иду к своей палате. В коридоре приглушили свет, и я думаю только об одном: как бы не свалиться здесь и не сломать вторую руку. Захожу к себе и замираю, не веря глазам. На тумбочке в банке стоят цветы. Не большой, но красивый букет. Стою и почему-то боюсь двинуться с места. Сейчас ночь и единственный человек, который мог их сюда принести – это он. Вижу рядом с ними записку. Отмираю, кидаю вещи на кровать и быстро беру ее. Читаю текст: «Выздоравливай и улыбайся чаще. Н.» Именно последнее я делаю сейчас. Может мне спуститься вниз и поблагодарить его? Да ну, вдруг кто-то увидит. Сажусь на кровать и трогаю нежные лепестки. Мне никто раньше не дарил цветы. Только сейчас это поняла. Что угодно дарили, но только не цветы. Он первый это сделал и теперь еще больше завладел моими мыслями.

Меряю температуру, чтобы если спущусь, быть неголословной. На экране высвечивается 37,2. Недостаточно высокая, но да ладно, придумаю что-нибудь. Расчесываю волосы, чтобы хоть немного выглядеть прилично.

Еще минут десять хожу по палате и собираю свое мужество. Честно, никогда не чувствовала себя так волнительно. Открываю дверь и прислушиваюсь. Тихо. Выхожу и на цыпочках иду к лестнице. Спускаюсь по ней и только сейчас понимаю, что его может и не быть в кабинете. Вдруг операция экстренная или скорая привезла пациента. Буду выглядеть тогда очень глупо, но возвращаться уже поздно. Выглядываю с лестничной клетки в коридор третьего этажа. Никого. Так же тихо иду мимо палат к двери в конце. Когда прохожу мимо сестринской, останавливаюсь, чтобы оттуда снова мне наперерез не вышла медсестра. У них горит свет, и внутри слышаться тихие голоса. Пробегаю быстро, как могу в своем состоянии, и стучусь в заветную дверь.

– Входите.

Захожу и сразу останавливаюсь, когда он поднимает голову из-за стола и смотрит на меня. Мы оба молчим пару секунд, разглядывая друг друга. И мое сердце пропускает удар от его взгляда на меня, полного нежности и желания. Он встает и подходит ко мне, протягивая руку куда-то мне за спину. Я слышу щелчок замка двери и поднимаю на него глаза. Вижу, как его зрачки расширяются, а рука ложится мне на талию, притягивая ближе к себе. Он наклоняется и ведет носом по моей щеке и волосам. Я, не отдавая себе отчета, кладу здоровую руку ему на плечо и еще больше сокращаю расстояние между нами. Поднимаю голову, и мы почти касаемся друг друга губами, я глажу его по волосам. Он с рыком прижимает меня к двери и его губы сминают мои в страстном поцелуе, что я чувствую, как внизу живота становится жарко и издаю стон, от которого тут же прихожу в себя.

– Назар, стой, – хрипло произношу его имя как само собой разумеющееся.

Он останавливается и ладонями сжимает мою талию. Я касаюсь носом его подбородка и вдыхаю запах, внутри все сжимается от вновь нахлынувших чувств.

– Если ты сейчас не перестанешь это делать, то я не смогу остановиться, – он тоже говорит хрипло мне на ухо, и я возбуждаюсь от одного его голоса.

– Что делать?

– Так действовать на меня.

– Будто ты на меня меньше действуешь.

Мы немного отстраняемся друг от друга, и я вижу его улыбку, не сдерживаюсь и улыбаюсь в ответ.

– Всегда так улыбайся мне, особенно когда я захожу к вам в палату.

– Ты прям взгляд от меня оторвать не можешь, я очень смущаюсь, – говорю и снова краснею, вспоминая, как он смотрит на меня.

– Мне, когда сложно в течение дня, хочется только одно – быстрее подняться к тебе и увидеть, как ты улыбаешься.

– Правда?

– Да. Хорошо, что ты попала сюда в мои смены, как бы это сейчас не звучало, но я рад, – он проводит ладонью по моей щеке, и я закрываю глаза от эмоций, которые захлестывают меня.

– Так ты и завтра работаешь?

– И послезавтра.

– Разве это нормально, так много дежурств? – смотрю на него и хмурюсь.

Он берет меня за руку и ведет в соседнее помещение, отделенное шкафами от входной двери. Мы садимся на диван.

– Обычно мы так не работаем, но меня попросили подменить. Я согласился, так как мне тоже могут понадобиться выходные и тогда коллеги подменят меня.

– Надо же и именно в эти дня я попала сюда. Могла ведь попасть под машину тогда, когда у тебя были бы выходные.

– Да, интересное стечение обстоятельств, – он задумчиво смотрит. – Только вот что, ты так больше не делай, будь более внимательной. Все могло закончиться плачевно.

– Знаю, впредь буду внимательнее, – мне приятно от его слов. – Просто задумалась тогда и не посмотрела по сторонам. Моя вина, конечно.

– О чем таком думала, интересно?

Вспоминаю пятничное утро. Как я шла погруженная в себя.

– Честно. Я думала о том, что избегаю своих чувств, разучилась их испытывать и делиться с кем-то. Даже с подругами. В каких-то кризисных ситуациях я просто замыкаюсь в себе и ничего никому не рассказываю. Мне легче все держать внутри.

Смотрю на Назара и боюсь то, что сказала. Боюсь, что открылась ему так сразу, даже не подумав над тем, что нельзя так вываливать все на малознакомого человека. Но почему-то у меня такое чувство, что я знаю его очень давно, как родного мне человека.

– Я, наоборот, вижу в тебе море эмоций. Ты одним взглядом все передаешь и от этого мне не по себе, – он как-то грустно улыбается. – Будто ты читаешь меня как открытую книгу.

– Очень ты меня удивил таким ответом. Мне наоборот казалось, что я холодная и неприступная.

– Может для кого-то, но точно не для меня. Я никогда не испытывал таких чувств рядом с кем-то.

– Я тоже, мне кажется, что мы давно знакомы, – опускаю глаза и тереблю край толстовки.

Он подвигается и берет меня за руку:

– Прости, что набросился на тебя там, у двери, – он машет головой в ту сторону, – не знаю, что на меня нашло, но я как увидел тебя, мечтал только об одном – поцеловать. Не сдержался, извини.

– Когда увидел в субботу утром?

– Да. Ты улыбнулась мне, и я пропал. А еще, хочу кое-что сказать, – он ухмыляется.

– Что? Почему ты смеешься? – заглядываю ему в глаза.

– Не знаю, как ты это сейчас воспримешь, – он мнется, и я сжимаю его руку, подбадривая, – ты мне снилась ночью, как я целую тебя и это единственное, о чем я думал на протяжении всего сегодняшнего дня.

– Ты поэтому не сдержался, увидев меня? – хитро смотрю на него, ожидая ответа.

– Да, поэтому. И, если честно, не ожидал что придешь ко мне сюда посреди ночи.

– Сама от себя такого не ожидала, еще пару дней назад я бы себе такого не позволила. Вообще веду себя поперек своим убеждениям, – опускаю голову и понимаю, что такое поведение мне не свойственно.

Ко мне возвращается благоразумие, и я прихожу в себя, отодвигаюсь от Назара подальше и выпрямляю спину. Он хмыкает, глядя на мои изменения.

– Я сюда шла изначально поблагодарить тебя за букет цветов. Мне очень приятно.

– Всегда пожалуйста. Я думал о тебе и решил, что так могу проявить свои мысли. Мне очень хотелось тебя порадовать.

– У тебя получилось. Правда.

Мы смотрим друг на друга, только теперь это не взгляды, полные вожделения, а то, что можно назвать единение душ. И мне так спокойно рядом с ним, будто он единственный человек, которому я могу доверить свои мысли и чувства. И так хочется сейчас обнять его, прижаться и положить голову на плечо. Сидеть до утра и разговаривать ни о чем, держась за руки.

В дверь раздается стук, и мы оба вздрагиваем. Я в панике смотрю на него округлившимися глазами и чувствую, что сердце сейчас выпрыгнет из груди.

Он, видя это, проводит рукой по моей щеке:

– Не бойся, сиди тут.

Назар идет к двери и открывает ее, слышу голос медсестры.

– Ты уже спал?

– Нет, с документами работал.

– Я думала разбудила тебя. Хорошо, что не спал, там пациент требует тебя. Не смогла его успокоить, посмотришь?

– Да, конечно, сейчас подойду.

Медсестра уходит, и я слышу шаги.

– Выйду после тебя через минуты три, – говорю и встаю с дивана, складываю руки в замок, когда он подходит ближе.

– Хорошо. Придешь завтра вечером снова?

Слыша этот вопрос чувствую, как внутри поднимается паника.

– Если хочешь, конечно, – он оглядывает мое лицо, – у тебя такой взгляд испуганный, не волнуйся, обещаю больше не трогать.

– Да я не поэтому.

– То есть трогать можно? – он предвкушающе улыбается и подходит ближе.

– Вот ты! Я просто боюсь, что нас могут увидеть. Знаешь как трудно к тебе сюда пробираться? Я чувствовала себя как на секретном задании!

– Все понятно, – он смеется, и я легонько ударяю его по руке, – завтра придумаем что-нибудь.

Назар быстро сокращает расстояния между нами и целует меня в губы, так, что у меня кружится голова. Мы еще немного стоим, прижавшись друг к другу и соприкасаемся носами, оба приходя в себя.

– Спокойной ночи. Буду мечтать об утре, чтобы быстрее увидеть твою улыбку.

– И тебе спокойной ночи, – не могу еще что-то добавить, так как прибываю в шоке.

Назар уходит, а я начинаю ходить взад-вперед по этому маленькому закутку, молясь, чтобы меня на обратном пути никто не увидел.

Выхожу через несколько минут, тихо открыв дверь и прислушиваясь к звукам. Вроде бы никого. Крадусь мимо сестринской и палат на третьем этаже. Все спят, поэтому остаюсь не замеченной. Поднимаясь по лестнице на четвертый этаж, резко останавливаюсь, слыша громкий голос медсестры. Потом понимаю, что она говорит на нашем этаже, видимо с тем пациентом. Выхожу в коридор и уже иду не боясь. Мало ли, может я в уборной была. Проходя мимо той палаты, где горит свет, замедляюсь и заглядываю в нее. Медсестра, санитарка и Назар что-то объясняют мужчине. Назар оборачивается, будто чувствует меня и улыбается, почти незаметно, но я вижу все в его взгляде. Киваю ему так же, чтобы видел только он и иду к себе. Включаю свет в палате и падаю на кровать. В голове сотня вопросов самой себе. Первый и самый главный: может ли жизнь так сильно измениться всего за пару дней?

Глава 4

Просыпаюсь в тоже самое время и моментально вспоминаю все то, что произошло ночью. Ощущение, что это был сон. Его губы на моих. Его руки на моей талии. Его взгляд с теплотой, изучающий меня. Нет, не сон. Прислушиваюсь к себе. Хочется ли мне продолжить? Несомненно. Страшно ли мне? Безумно. Но в душе такое счастья, которого я не испытывала уже очень давно. Это не такое счастье как от какой-то покупки или долгожданной поездки. Это счастье, которое дарит крылья за спиной.

Смотрю на цветы на тумбочке и улыбаюсь. Ни один мужчина не дарил мне таких эмоций всего за два дня знакомства. С уверенностью могу сказать, он – волшебник. И теперь мое самое большое желание, чтобы это волшебство было как можно дольше в моей жизни.

Провожу все утренние процедуры, надеваю джинсы с вельветовой рубашкой, еле просовывая руку с гипсом в рукав. Немного злюсь и мысленно ругаюсь на саму себя за то, что произошло. Смотрю на себя в маленькое зеркальце, и довольная своим видом иду в общую палату, здороваясь со всеми. Света жалуется мне, что пол ночи им не давал спать буйный пациент. Говорю, что тоже его слышала.

Мы позавтракали, и я смотрю на время. Странно, уже почти девять, а обхода все еще не было. Выглядываю в коридор и тут же сталкиваюсь взглядом с Назаром на противоположной его стороне. Он замирает, а я широко улыбаюсь при виде его реакции и сморщиваю нос. Назар смотрит на меня и хмурится, отворачивается и еще пару секунд стоит перед дверью, потом заходит в первую палату.

Иногда я не понимаю его поведение. Кажется, что он злится, но не понятно почему. Стараюсь не зацикливаться на этом и жду его прихода. А пока пишу сообщение Ангелине. Она должна взять сегодня для меня статью на редактуру, чтобы я не скучала весь день, смотря только одни фильмы.

На удивление, самочувствие у меня сегодня лучше, видимо, подействовали таблетки. Поднимаю голову к двери, слыша его голос. А может это не таблетки помогли? Хихикаю и тут же привлекаю к себе внимание Светы, она вопросительно смотрит на меня, а я машу рукой в ответ, говоря тем самым, что потихоньку схожу с ума.

К нам входит Назар с медсестрой и мы сразу замолкаем. Он смотрит прямо на меня, и я вижу в его взгляде волнение. Чувствую, как оно передается и мне, неосознанно выпрямляю спину и кладу руки на колени.

– Доброе утро, рассказывайте, как самочувствие, – Назар обращается сразу ко всем и смотрит на какие-то листы в руках.

Пациенты отвечают по очереди и задают вопросы. Он обходит всех и очень внимательно осматривает, показывает медсестре кому нужно сделать перевязку и дает рекомендации по приему лекарств.

Наблюдаю за ним и понимаю, что он зачем-то тенят время. Так долго у нас не длился ни один обход.

Назар подходит ко мне и встает рядом с кроватью.

– У вас что? Температуры нет?

– Сегодня нет, все хорошо, горло только немного болит, – смотрю на него снизу верх и чувствую неловкость, кажется, что сейчас все присутствующие поймут, что, между нами, что-то есть.

– Расстегните рубашку, посмотрю на ваши ушибы.

Я на мгновение замираю и смотрю на него широко открытыми глазами. Что происходит? Что он задумал? Назар поднимает брови и указывает мне глазами на то, что мне не мешало бы прийти в себя. Я отмираю и быстро расстегиваю пуговицы, отмечая про себя, что в палате

стоит звонкая тишина. Мне хочется стукнуть его чем-нибудь тяжелым за эту сцену, что он устроил и за то, что я краснею, чувствуя на нас взгляды всех присутствующих.

Назар садится передо мной и прощупывает мои ребра. Я жмурюсь и хватаю его за руку, когда он надавливает слишком сильно на левой стороне.

– Полегче, больно же! – зло шиплю и сдавливаю ему пальцы, когда вижу, как он улыбается словно садист.

– Не волнуйтесь, я же должен понять, как идет ваше выздоровление.

Он еще раз медленно надавливает на ребра и смотрит внимательно в мои глаза без тени улыбки. Понимаю, что сейчас что-то произойдет и мысленно готовлю себя ко всему, что он может вытворить. Назар чуть привстает и загораживает мне вид на всех в палате, опускает руку к моему животу и нежно проводит пальцами по нему. Я в ужасе смотрю на него и бью по руке. Затем выглядываю из-за его головы и с облегчением понимаю, что на нас никто не смотрит. Медсестра раздает всем листы, которые до этого были в руках у Назара и рассказывает что-то пациентам, которые задают ей вопросы.

– Ты спятил?! – шепчу ему и смотрю со всей строгостью, на которую могу быть способна.

– Спятил еще в субботу утром, когда увидел тебя впервые, – он снова широко улыбается, и я вижу веселье в его глазах.

– Вот же ненормальный, – бурчу себе под нос, застегивая рубашку.

Назар пропускает мою реплику и достает что-то из кармана, кладет мне в ладонь, зажимая мои пальцы. Я быстро убираю руку за спину, он встает и подмигивает мне.

– Заживление идет хорошо, если нужно будет обработать ссадины не стесняйтесь подходите к медсестре, – он говорит строго, будто и не было всей этой сцены минуту назад.

Я сначала не понимающего смотрю на него, а потом просто киваю головой, не в силах что-то сказать. Так переволновалась. Он с ума меня сведет такими выходками.

Назар направляется к выходу. А я глубоко вдыхаю пару раз и прихожу в себя. Света протягивает мне лист, который им раздала медсестра. Выхватываю глазами верхнюю строчку: «Правила посещения больницы в сезон гриппа и простуд». Беру и прячу за ним то, что отдал мне Назар, иду к себе в палату. Сажусь на кровать и пробегаю глазами текст методички, улыбаюсь и закатываю глаза. Вот выдумщик, построил целый план, чтобы передать мне записку. Зачем так усложнять? Точно. Записка. Беру второй лист сложенный несколько раз в небольшой квадратик и разворачиваю его. Улыбаюсь, видя, текст, написанный от руки: «Прости за эту сцену, не знал, что еще придумать и как взять у тебя номер телефона. Сегодня после утреннего обхода у меня будет операция за операцией, до вечера не сможем увидеться. Буду рад, если напишешь мне». Дочитала текст и увидела снизу номер телефона, сразу взяла свой и забила его в телефонную книгу. Что бы написать ему?

09:30. Алиса: «Я чуть приступ не словила от твоего «гениального» плана, ты не мог придумать что-то попроще?»

Отправила и уставилась на экран. Вот и первое сообщение. Мне кажется или наши отношения развиваются слишком быстро? Это очень пугает. Чувствую, как я теряю контроль над собственной жизнью.

Телефон звякнул.

09:35. Назар: «Признаю, мог придумать что-то еще, но не было времени. Я тоже нервничал. Но ты хорошо мне подыграла. Согласись, было весело?»

09:37. Алиса: «А так и не скажешь по тебе, что ты такой весельчак и выдумщик, по первому впечатлению показался мне очень серьезным, даже можно сказать пугающе серьезным».

Прошло десять минут, а ответа все нет. Видимо, очень занят. Я положила телефон на тумбочку и посмотрела в окно. Как же хочется выйти на улицу и прогуляться хотя бы по территории больницы. Знаю, не лучшая затея из-за простуды, но если вечером мне не станет хуже, то попрошу Назара выпустить меня из моей персональной клетки.

Звонит телефон, и я подскакиваю. Это всего лишь Ангелина, судя по времени она звонит мне сразу после планерки у начальника.

– Доброе утро, Алис. Как ты? Простуда еще не прошла?

– Доброе, подруга. Сегодня более-менее хорошо, температуры нет. Ты лучше меня обрадуй какой-нибудь статьей на редактуру.

– Конечно я для тебя выбила одну у шефа, хотя он сопротивлялся и не хотел давать. Сказал: «Вот что ей неймется в этой больнице, лежала бы себе спокойно и лечилась», – она смешно передразнивает Романа Александровича, и я смеюсь, представляя его.

– Отлично. Спасибо, Ангелин, скинешь тогда мне на почту. Что там в офисе происходит в общем?

– Ой, да что тут может происходить? Пока что самая популярная тема у нас – это ты и твой отчаянный прыжок под машину, – она вздыхает, и я слышу звон ключей и открывание двери, видимо нашего с ней кабинета.

– Вот же сплетники. Ты там надеюсь защищаешь меня? – говорю обиженным голосом для большего эффекта.

– Нет, не защищаю, говорю всем, что ты открыла новое хобби и тебя теперь не остановить.

– Перестань! – смеюсь, слыша ее ворчливый ответ.

– Конечно защищаю, но ты теперь моя должница. Я тут, между прочим, без тебя одна сижу, а это знаешь как скучно?

Действительно, мы с Ангелиной даже в отпуск вместе уходим, а болеем редко и обычно не долго. Сколько лет работаем вдвоем, на такой долгий срок никогда не разлучались.

– Я тебя понимаю, поэтому готова расплачиваться всем, чем только пожелаешь.

– Ловлю на слове, – говорит подруга, растягивая гласные.

Мы попрощались, и я напоследок напомнила ей не забыть скинуть мне текст, а то зная ее, она может вспомнить об этом только вечером.

Открываю ноутбук, захожу в почту и вижу статью, сразу берусь за работу, поудобнее усаживаясь на кровати.

Ставлю точку в предложении и перевожу взгляд на время. Ого, прошло почти полтора часа. А я даже не заметила. Разминаю шею и закрываю ноутбук. Только хотела встать пройтись по коридору как звякнул телефон на тумбочке.

11:05. Назар: «Я вообще не серьезный человек, просто иногда притворяюсь таким, все-таки я врач ».

Улыбаюсь с этого ответа. Конечно, притворяется он, особенно когда ругает нерадивых пациентов.

11:08. Алиса: «Сделаю вид, что поверила, но иногда ты очень строго выглядишь, что даже меня пугаешь своим взглядом».

11:11. Назар: «Хочешь открою секрет? На самом деле я умиляюсь при виде тебя. Очень хочу подойти обнять, поцеловать, но, чтобы себя не выдать, делаю строгий вид».

Читаю несколько раз это сообщение и взгляд все время возвращается к этим двум словам. Надо же, вот что он думает, глядя на меня, а так и не скажешь.

11:14. Алиса: «Может быть когда-нибудь сможешь снова обнять».

11:15. Назар: «Может быть даже сегодня вечером».

Что? Как это сегодня вечером? Я еще от вчерашнего не отошла. В растерянности кручу телефон в руках и не знаю, что ответить.

11:20. Алиса: «Я хотела у тебя спросить, можно ли мне будет сегодня вечером выйти прогуляться по территории больницы? Хочется воздухом подышать».

Откидываюсь на подушку. Надо перевести тему от обнимания и поцелуев – это единственное что пришло мне в голову в качестве ответа. А то от воспоминаний о вчерашнем происшествие у двери в его кабинете меня бросает в жар.

11:25. Назар: «Конечно ты можешь пройтись, только одевайся потеплее».

Хм, неужели переживает обо мне? Приятно.

11:26. Назар: «У меня снова операция. Не скучай».

11:27. Алиса: «Пусть все пройдет хорошо».

Сегодня день проходил крайне скучно и медленно. Я успела поговорить с мамой, девочками и даже пройтись по коридорам третьего и четвертого этажа со Светой. От нее же узнала, что некоторых не тяжело больных отпускают на ночь домой под расписку, с обещанием вернуться к утреннему обходу. Надо поподробнее узнать у Назара об этом. Он не писал целый день, но мы виделись в коридорах и многозначительно переглядывались. Я видела, как он устал за эти дни дежурства и ловила себя на мысли, что хотела бы его просто обнять и подбодрить.

Вечером, когда я уже не ждала от него сообщения, Назар написал.

17:30. Назар: «Сейчас будет обход, скоро увидимся».

17:31. Алиса: «Жду с нетерпением».

Я посмотрела на себя в зеркало, накрасила губы прозрачным блеском, подрумянила щеки и выпорхнула в соседнюю палату.

Он пришел как всегда серьезный и мельком глянул на меня, не удосужив даже улыбнуться. Я опустила голову и спрятала свою улыбку за волосами. Вот же конспиратор. Назар задавал стандартные вопросы, и я решила воспользоваться ситуацией, когда он повернулся ко мне.

– Скажите, а можно будет мне на ночь отправиться домой? – еле сдерживаю улыбку.

Назар с несколько секунд смотрел на меня, и я видела, как он бороться с собой, чтобы не съязвить мне.

– Вам нельзя, я хочу видеть вас здесь, – он победно улыбается, видя мой растерянный взгляд.

Я не ожидала такого откровенного ответа при всех и мне остается молча смотреть на него, ожидая, что он скажет еще.

– Да можно, кончено, домой, если чувствуете себя хорошо. Но давайте еще день побудете тут, а завтра вечером посмотрим.

– Хорошо, спасибо, – я суживаю глаза, понимая, что он снова что-то задумал.

Когда Назар с медсестрой уходит, я иду к себе в палату и заходя в нее, слышу пиликанье телефона.

18:10. Назар: «Домой значит собралась? Хочешь меня тут одного оставить?»

18:11. Алиса: «Вы большой мальчик, уважаемый доктор, думаю одну ночь справитесь и без меня».

Теперь уже я победно улыбаюсь: пусть не расслабляется.

18:14. Назар: «Я конечно справлюсь, но буду очень скучать по тебе, поэтому сегодня ночью ты никуда не поедешь, хватит тебе и прогулки по больничной территории, а завтра вечером заканчивается мой рабочий день и я отвезу тебя домой. Не хочу, чтобы ты ехала на такси».

Улыбка сползает с моего лица, когда я читаю его сообщение, чувствуя всю серьезность ситуации и видя такое быстрое развитие наших отношений. А еще я понимаю, что мне очень нравится то, как он ответил: тут и признание, и забота, и сила мужчины, который знает чего хочет. Мне впервые хочется довериться, а не строить из себя сильную и независимую.

18:18. Алиса: «Я согласна с тобой. Буду рада, если завтра домой довезешь меня ты».

18:20. Назар: «Отлично».

Откладываю телефон и решаю немного отвлечься, посмотрев фильм.

Закрываю ноутбук, когда часы показывают восемь вечера. Сегодня все пациенты решили не устраивать ранний отбой, и я подумала, что как раз самое время выйти ненадолго на улицу. Заранее предупреждаю медсестру, чтобы меня не искали, если вдруг что.

Накидываю на себя куртку, просовывая одну руку в рукав и не застегиваю ее, надеясь, что теплая толстовка спасет меня от мартовского ветра.

Иду по третьему этажу. Проходя мимо ординаторской, замедляюсь и прислушиваюсь. Голосов не слышно. Наверно, Назар на операции.

Спускаюсь по лестнице и слышу шаги снизу, кто-то поднимается, я отхожу ближе к стене, готовясь пропустить человека и когда он поворачивает ко мне на пролет, останавливаюсь.

– Где бы мы еще встретились?

Назар поднимает голову от папки с листами и окидывает меня взглядом, потом смотрит вниз по лестнице, не идет ли кто.

– Направляешься на прогулку? – он преодолевает несколько ступеней, разделяющих нас, и останавливается очень близко ко мне, так, что я вижу усталость на его лице.

– Да, пройдусь пол часика, если вы не против, доктор, – смотрю на него снизу верх и мой взгляд непроизвольно опускается на его губы.

– Я тебе так скажу, я не только не против, но даже присоединюсь к тебе минут через десять, как только отнесу папку в кабинет, – он быстро целует меня в губы. – Жди в парке.

Я не успеваю опомниться и что-то сказать, как Назар уже уходит, перепрыгивая через две ступеньки.

Спускаюсь вниз и выхожу на улицу, вдыхаю еще морозный воздух и медленно бреду в сторону небольшого парка, мимо парковки с машинами врачей. Останавливаюсь в закутке между деревьями, позади них падает свет от фонаря, образуя тень, за которой ничего не видно. Стою минут пять прежде, чем слышу шаги в мою сторону. Выхожу из укрытия и тут же меня назад за руку утягивает Назар.

– Я соскучился по тебе за этот долгий и трудный день, – он обнимает меня за талию, и его глаза кажутся совершенно черными в этой темноте.

– Признаюсь, я тоже хотела тебя побыстрее увидеть.

Эти слова даются мне очень тяжело. Радуюсь, что сейчас темно и он не видит всех эмоций на моем лице. Я давно не выражала своих чувств, именно то, что исходит глубоко изнутри. Поэтому стояла в нерешительности и смотрела на него.

Не раздумывая, Назар сократил расстояние между нами, взял мое лицо в ладони и притянул к себе, впившись в мои губы страстным поцелуем. Его рука переместилась в мои волосы, и я глухо застонала, расстёгивая его куртку и проводя ладонью по груди. Он опустился к моей шее и по моему телу пробежала приятная дрожь, заставляя меня выгибаться ему навстречу и ловить его губы, прикусывая их. Назар оттеснил меня к дереву и резко прервал поцелуй, тяжело дыша, будто недавно пробежал марафон. Я опустила голову ему на плечо, и он уткнулся мне в висок, водя по нему губами.

– Думал, что уже не смогу остановиться. Ты как? Все нормально? – он заглянул мне в глаза.

– Да, нормально, – я слабо улыбнулась, переводя дыхание. – Ты очень настырный и страстный.

– Сам от себя такого не ожидал.

Он произнес это серьезно, без тени улыбки и позерства, будто тоже, как и я никогда не испытывал таких не знающих границ чувств.

– Пройдемся? – он взял меня за руку и потянул из нашего укрытия к дорожке за больницей.

– Тебя не будут искать?

– У меня на сегодня закончились операции. Если привезут кого-нибудь на скорой, то мне позвонят на сотовый.

– Я переживаю, что отвлекаю тебя от работы.

Назар остановился, повернул меня к себе и взял мое лицо в ладони:

– Ты, наоборот, даешь мне силы. Я так устал за эти дни, и только твоя улыбка бодрит меня.

– Ты меня смущаешь, – от его взгляда и ладоней на моих щеках мне стало жарко.

– А мне нравится видеть тебя такой.

Я засмеялась:

– Какой такой? Смущающейся?

– Такой нежной.

Я перестала смеяться и серьезно на него посмотрела:

– Мне никто никогда не говорил таких слов.

– А мне никогда не встречались такие девушки, как ты.

Мы стояли посреди дорожки, в полумраке, рассматривая друг друга. И время будто остановилось. Этот мужчина смог так легко дотронуться до моего сердца, говоря такие простые, но очень значимые для меня слова. Он смотрел так, будто я самая большая ценность в его жизни. И мне хотелось верить ему. Сейчас я больше всего боялась одного – разочарования.

– О чем ты думаешь? – он схмурил брови и его лицо приняло строгий вид.

Я вздохнула, не зная, как лучше ему ответить.

– Тебе сказать правду?

– Конечно, я хочу услышать только правду. У тебя такой вид, будто ты что-то для себя решила.

– Мне кажется, что это все сон, что я проснусь, а точнее выпишусь отсюда и вся эта сказка закончится. Ты исчезнешь из моей жизни, – я замолчала, и он сжал мою ладонь, подбадривая. – Но больше всего я боюсь разочарования.

Назар смотрел на меня, но на последнем предложении отвел взгляд. Видя его реакцию мое сердце пропустило удар.

– Что случилось? – я провела рукой по его щеке. – Тебя расстроили мои слова?

– Нет, что ты. Могу одно сказать, я не намерен прекращать наши отношения. Хочу и дальше узнавать тебя. Я готов взять ответственность за нас и быть с тобой. Я не могу что-то обещать. Пока что. Давай мы просто будем рядом?

Вместо ответа я приблизилась к нему и обняла, провела рукой по шее и волосам, вдыхая его запах. Он обнял меня в ответ.

– Надеюсь, я смог тебя успокоить?

– Да, – я взяла его за руку, и мы медленно пошли по дорожке. – Знаешь, мне нравится вот так с тобой разговаривать. Я не боюсь сказать тебе то, что думаю, потому что вижу, что ты правильно меня поймешь и мы сможем все обсудить.

– Надеюсь, так будет и впредь.

Мы оба замолчали. Но эта тишина совсем не тяготила. Мне нравилось молчать с ним наедине, вот так идя и держась за руки.

Я покосилась на Назара припомнив один момент:

– Хочу кое-что спросить у тебя.

– Все что угодно, – он повернулся ко мне.

– Позавчера, в субботу, когда у меня началась аллергия, ты почему так разозлился на то, что я не сказала тебе об этом?

Назар засмеялся.

– Почему смеешься? Ты не разозлился? – недоуменно смотрю на него.

– Разозлился и еще как. Хотелось отшлепать тебя за такую выходку, – он самодовольно ухмыльнулся, и я остановилась.

– Да что в этом такого?! И вообще, моей вины не было, медсестра сказала, что передаст тебе и видимо забыла.

– Алиса, – он произносит мое имя без тени шутки. – Нужно всегда говорить врачу. Аллергия – это опасно, тем более на лекарства. У тебя мог случиться анафилактический шок. Я испугался за тебя. Что было бы если бы одно антигистаминное не помогло? Я должен был наблюдать за твоим состоянием в этот момент.

– Я поняла. Прости, не знала.

– Теперь знаешь и больше так делать не будешь.

– Больше надеюсь не попаду сюда, – я покосилась на здание больницы.

– Это уже от тебя зависит и то, как ты переходишь дорогу, – он снова взял меня за руку, и мы повернули за угол здания.

– Ну давай еще ты мне лекцию прочти на эту тему.

– Нет, не буду. Я могу читать тебе лекции только на тему лекарств и твоего халатного отношения к своего здоровью. А если не будешь слушаться меня, то знай, что у меня появляется желание отшлепать тебя.

– Ты второй раз говоришь это. Видимо очень сильное желание, – дразню его и удивляюсь самой себе.

– Очень сильное, – он огляделся вокруг и наклонился ближе ко мне. – Ты давай аккуратнее дразни меня, а то идешь тут со мной в ночи, вдвоем, никого нет вокруг.

Я смерила его взглядом и рассмеялась. Быстро он меня раскусил.

– Я не боюсь тебя, Назар. Даже больше скажу, я вообще мало кого боюсь. Потому что могу за себя постоять.

– Но мы же едва знакомы.

– Я хорошо дерусь, поверь.

Теперь он уже внимательно на меня посмотрел с головы до ног и обратно.

– По тебе и не скажешь, что ты можешь кому-то дать сдачи.

– Из-за того, что я стройная? Внешность обманчива.

– Не буду проверять, просто поверю тебе на слово, – он покосился на меня.

– Верное решение.

Мы почти дошли до главного входа, обогнув больницу по кругу. Назар остановился.

– Хотел бы я чтобы этот вечером не заканчивался, – его взгляд погрустнел. – Так много еще хочу у тебя спросить.

– Еще будет время. Тебе надо идти, а то медсестры хватятся.

– Тогда иди сначала ты, потом я поднимусь.

Я сократила расстояние между нами и быстро поцеловала его в губы, отстранившись. Назар поймал меня за талию и снова притянул к себе, углубив наш поцелуй.

– Ладно, иди, – он хрипло произнес, поцеловав меня в лоб на прощание.

Поднявшись к себе в палату, упала на кровать с ненормальной улыбкой на лице и бешено колотящимся сердцем.

Телефон звякнул, и я схватила его, зная, от кого сообщение.

20:45. Назар: «Спасибо за лучшую прогулку в моей жизни. Спокойной ночи. Завтра утром увидимся».

20:46. Алиса: «И тебе спокойной ночи, надеюсь это была не последняя наша прогулка».

20:48. Назар: «Точно не последняя».

Мы обменялись смайликами, и я уснула настолько счастливая, что проигнорировала плохое предчувствие, которое уже зарождалось у меня внутри.

Глава 5

Утро вторника началось с сообщения и моего раннего пробуждения.

06:40. Назар: «Доброе утро, улыбчивая девочка. Сегодня выходит твой лечащий врач, мы на утреннем обходе придем все вместе, спросишь у него можно ли будет тебе домой на ночь».

06:42. Алиса: «Доброе утро. Спасибо, что сказал, а он может не отпустить меня?»

06:43. Назар: «Думаю отпустит».

06:44. Алиса: «До встрече на обходе, ты хоть не смотри на меня очень строго, а то я напрягаюсь».

06:46. Назар: «Я постараюсь даже улыбнуться тебе, не заметно».

Смотрю на время и решаю позвонить Ангелине в надежде, что она уже проснулась.

– Доброе утро, ты чего так рано звонишь? Только не говори, что снова что-то случилось, – говорит подруга сиплым голосом после сна.

– Доброе, все нормально, – я улыбаюсь, слыша ее бурчание. – Наоборот, у меня хорошие новости, меня, может быть, отпустят сегодня домой на ночь, если захочешь можешь приехать ко мне.

– Отлично! Конечно приеду. Позвоню девочкам, может и они смогут подъехать.

– Да, позвони, если они работают до поздна, не настаивай. В пятницу увидимся.

– Хорошо, напишешь тогда сначала, отпустят тебя или нет.

Мы попрощались, и я направилась в душ, пока он еще работал. Ближе к восьми утра зашла в соседнюю палату, Света уходила на ночь домой и тоже только вернулась. Я сообщила ей, что сегодня выходит наш лечащий врач. Мы позавтракали и так увлеклись разговором, что не заметили, как пришли врачи с медсестрой, в одном из них я узнала главного врача хирургического отделения. Вопросительно смотрю на Назара, и он слегка кивает мне. Как-то я не хочу при всех спрашивать про мой отгул домой.

Мой лечащий врач, как вчера и Назар, прощупал мои ребра, посмотрел ссадины и ушибы и спросил про мое общее самочувствие. Уверила, что все хорошо и решила потом выловить его в коридоре и задать интересующие меня вопросы. Обход прошел в обычном режиме. Назар даже улыбнулся мне, как и обещал, пока его коллеги были заняты пациентами.

Через час мне удалось поговорить с моим лечащим врачом и договориться с ним о моем уходе на ночь домой. Я заранее написала расписку и пообещала приехать к восьми утра.

Отправила сообщение Ангелине, что они с девочками могут приехать ко мне вечером. Подруга ответила, что Кира с Ингой заберут ее и они подъедут все вместе. Еще позвонила мама и я сообщила ей, что мне уже намного лучше и вечером меня отпустят домой. Мы немного поговорили о ее работе, а еще я выслушала от нее лекцию о том, что мне надо лучше питаться, чтобы быстрее восстановиться.

День проходил очень скучно. Назар был занят, разгребал бумажную работу после долгих дежурств. Мы перебросились парой сообщений и договорились, что вечером он на своей машине заберет меня около подъезда к главному входу.

В назначенное время я вышла из больницы и направилась мимо парка, встала на обочине чуть поодаль, чтобы меня не было видно из окон.

17:50. Алиса: «Я вышла и жду тебя».

Назар прочитал сообщение и не ответил. Через минуту я увидела белую машину, выезжающую с парковки. Он остановился, и я села в салон, посмотрев на него.

– Как ты? Нормально себя чувствуешь? – он с тревогой оглядел мое лицо. – Волнуюсь, чтобы тебе не стало хуже.

– Чувствую себя превосходно. Особенно рядом с тобой. Но мне приятна твоя забота.

Вместо ответа он наклонился и очень нежно поцеловал меня, проведя рукой по щеке.

– Набей свой адрес в навигатор, – Назар протянул мне свой телефон.

Я набрала улицу, номер дома и на экране высветилось примерное время поездки: 38 минут.

– Жаль, что так мало ехать, – я передала ему назад телефон.

Назар посмотрел на экран:

– Могу сделать несколько кругов вокруг твоего дома. Или остаться ночевать под твоими окнами.

– Очень смешно, ты уличный кот что ли? – я покосилась на него, понимая на что он намекает.

– Могу стать домашним котом, – он хитро прищурился. – Твоим домашним котом.

Я немного опешила от такой наглости и сурово посмотрела на него, ожидая реакции. Но Назар только засмеялся и промолчал, давая мне возможность высказаться.

– Ты наглый котяра, – я отвернулась к окну и засмотрелась на красный сигнал светофора.

– Посмотри на меня.

Я взглянула на него. Назар смотрел серьезно и даже немного грустно.

– Я шучу. Если ты думаешь, что я таким бестактным способом напрашиваюсь к тебе в гости – то это не так. Скажу тебе честно, – он наклонился ближе, – я стараюсь быть джентльменом и для меня тоже важно не торопиться. Каждый раз смотрю на тебя и понимаю, какая ты ранимая. И прости меня, если вдруг меня заносит, и я говорю или делаю что-то не так.

– Я все понимаю и шутки, и то, что ты не хочешь меня обидеть. Просто ты очень прямолинейный.

– Это плохо? – он непонимающе нахмурился.

– Нет, что ты! Наоборот – это хорошо. Просто мне нужно привыкнуть к этому. Мне часто лгали и обычно эта ложь всплывала тогда, когда я сама начинала о ней догадываться. А ты говоришь все, как есть – это очень импонирует на самом деле.

Назар проехал светофор и остановился на обочине, напряженно сжимая пальцы на руле, так, что побледнели костяшки.

– Что случилось? – я не на шутку заволновалась, и червячок сомнения зашевелился внутри.

– Я хотел сказать тебе еще вчера, но боялся твоей реакции, – он повернулся ко мне всем корпусом тела. – Даже не так, я боюсь того, что ты уйдешь и все между нами закончится.

– Говори, я обещаю, что выслушаю тебя.

Он еще несколько секунд напряженно вглядывался в мое лицо, будто ища поддержки.

– Я женат.

Два слова, всего два, но из-за них мой мир пошатнулся. Зазвенело в ушах и появились мушки перед глазами. Я знала. Знала, что что-то не так, что не может быть все так просто в моей жизни. Чувствовала, что сказка закончится и мечты разобьются о жестокую реальность. Я схватилась рукой за лоб и положила голову на подголовник сиденья.

– Ты в порядке? Алиса, пожалуйста, не волнуйся. Посмотри на меня.

Я подняла голову и повернулась к нему, выставив руку вперед.

– Помолчи.

Он замолчал и отодвинулся, печально смотря на меня. Я изучала его лицо и искала в нем то, что видела всегда в других мужчинах – лицемерие. Но на лице Назара кроме грусти, усталости и сожаления не видела больше ничего.

– Я догадывалась, – говорю это и к горло поступает ком.

–Ты умная и внимательная, поэтому даже не буду спрашивать как. Но хочу, чтобы ты выслушала меня, – он с мольбой смотрит на меня, и я киваю. – Мне тридцать четыре года, я женился чуть больше года назад. И женился не по любви, а потому что просто принял решение,

что пора. Встретил порядочную девушку и сделал предложение. Я думал, что ее любви будет достаточно на нас обоих. Я никогда не любил, был уверен, что это чувство не так важно, потому что видел пары, которые разводились и ненавидели потом друг друга даже после громких слов о любви. Я уважаю свою жену, обеспечиваю, исполняю любой каприз. Но любви – ее нет.

Он вздыхает, и я вижу, как ему тяжело даются слова.

– Зачем ты женился, не понимаю, если не любил. Разве у тебя в жизни не было девушки, которую ты любишь, чтобы сделать ей предложение?

– Я никогда не любил, Алиса.

Назар замолчал и выжидательно посмотрел на меня. Я сидела как оглушенная и не могла поверить услышанному.

– Скажешь что-нибудь?

Я попыталась успокоиться и не дать волю гневу, который начинал разрастаться внутри.

– У меня был парень, я любила его, но это было восемь лет назад. После него у меня не было чувств ни к кому. Да я и не сказала бы, что к нему у меня была осознанная любовь, больше детская влюблённость. Но у меня никогда не было мысли выйти замуж не по любви, только из надобности. Даже если бы я была твоего возраста или намного старше, я бы никогда так не поступила.

Он отвернулся и побарабанил пальцами по рулю, потом снова повернулся и взял меня за руку.

– Я не знаю, что ты решишь, но хочу, чтобы ты дала нам шанс узнать друг друга.

– Почему я должна давать его, Назар?

– Потому что я никогда ничего такого не чувствовал ни к одной девушке.

– Но ты не влюблен в меня – это же очевидно.

С сомнением смотрю на него, я ведь не могу ошибаться или могу?

– Да, я не знаю, что такое любовь. Но чувства, которые возникают при виде тебя тоже для меня новы. Не могу это объяснить, но я постоянно думаю о тебе, скучаю, а когда ты улыбаешься, я вообще теряю над собой контроль. Мне хочется подойти к тебе и обнять, прижать к себе, поцеловать в губы, нос, щеки, смотреть как ты таешь в моих руках и поддаешься мне на встречу. Хочу заботиться о тебе и оберегать. Думаю, все ли у тебя хорошо и побыстрее жду нашей встречи.

Мы смотрели друг другу в глаза, и я не могла отвести от него взгляда. Понимал ли он в этот момент, что его чувства – это и есть любовь? Но не так важно то, что он сказал мне сейчас. Важно другое – сможет ли он признаться самому себе что полюбил меня? Захочет ли он когда-нибудь преодолеть свой страх и полностью открыться мне? Человек, который никогда не испытывал любовь становится потерянным при ее появлении. Такому человеку тяжело произнести «я тебя люблю» и тем самым признать себя уязвимым.

– Алис, не молчи. Скажи что-нибудь, – Назар выжидательно смотрит на меня.

Хочу ли я продолжить с ним общаться? Очень хочу. Пугает ли меня перспектива наших отношений?

– Я боюсь, Назар. Боюсь того, что может быть дальше, того, с какими трудностями нам придется столкнуться.

– Давай пока что просто будем вместе? Я не могу сказать, что нас ждет дальше, но я очень хочу попробовать, узнать тебя.

Я все еще сомневаюсь, и он берет меня за руку.

– Пожалуйста, Алис.

– Хорошо.

– Правда? – он счастливо улыбается.

– Да, – я улыбаюсь в ответ. – То есть, да, давай попробуем.

Он наклоняется и целует меня, я отвечаю на поцелуй, но на душе скребут кошки.

Назар выезжает на дорогу, а я пытаюсь осмыслить то, что сейчас услышала. Понимаю, что не могу сосредоточиться на мыслях, кажется, что нахожусь под водой и не могу выплыть.

– Ты снова задумалась, – он гладит меня по щеке. – Боюсь спрашивать, какие мысли сейчас крутятся у тебя в голове.

– Ничего такого, привыкаю к новой реальности и новой информации, – беру его за руку, – просто дай мне время.

– Конечно, все что попросишь.

– Вот так значит? Сделаешь все что попрошу?

Он оборачивается ко мне:

– Сделаю, – Назар смеется, видя мой хитрый взгляд. – Надеюсь я не пожалею о сказанном.

– Не знаю, не знаю, – я пожимаю плечами, – ты уже сказал, а я уж придумаю что попросить.

– Без проблем!

Он целует меня в запястье, и я моргаю обезоруженная этим внезапным порывом. Каждый раз меня удивляет то, как он ломает мои внутренние стены такими простыми действиями.

Назар выдергивает меня из моих мыслей.

– Я вообще думал по дороге поговорить с тобой о другом, но рад, что наконец-то ты узнала правду и мне не приходится тебе больше врать.

– О чем ты хотел поговорить?

– Хотел спросить тебя о работе. Ты много сидишь за ноутбуком. Расскажешь, какая у тебя профессия?

– Ты внимательный, – чувствую, что мое внутреннее «я» начинает восхищаться им. – Я редактор в издательстве, работаю там почти семь лет вместе со своей подругой.

– Как подругу зовут?

– Ангелина. У меня есть еще две подруги – Кира и Инга, они вдвоем работают в авиастроении. Мы познакомились на стендап-шоу и вот уже много лет дружим.

– А родители? – Назар смотрит на навигатор и поворачивает направо, успев кинуть быстрый взгляд на меня.

– Есть только мама. Папа умер, когда мне было одиннадцать. Моя семья – это мои девочки. Ближе мама и них нет никого.

Мы встали в небольшую пробку.

– Скучаешь по папе? – он поворачивается ко мне, и я вижу сочувствие в его глазах.

– Очень. Но жизнь продолжается, я смирилась и иду дальше. По-другому никак.

– Это правильно. Я надеюсь, что тоже смогу стать частью твоей жизни.

– Ты уже стал, – произношу это и понимаю, что это действительно так.

– Мне очень нравится это слышать.

Я смеюсь:

– Только не зазнавайся!

Мы поехали, снова повернули направо и через аллею показался мой дом. Назар заехал в микрорайон и начал петлять по узким подъездным.

– Расскажешь про свою семью?

– Конечно, – он подъехал к моему подъезду и припарковал машину. – У меня есть мама, папа, родной младший брат, много других родственников. Если вкратце, то моя семья большая. Живут они в другом городе. Я стараюсь ездить к ним раз в месяц, если позволяет работа. Сама понимаешь с моим графиком что-то планировать очень сложно.

– Да, видела. Спасибо, что рассказал про семью.

– Не за что, спрашивай что хочешь, отвечу на все твои вопросы.

– Ты завтра выходной? – у меня были и другие вопросы, но я решила сейчас не время их задавать.

– Должен быть выходной, но я пойду на работу, чтобы забрать тебя утром и вместе поехать в больницу.

– Ты серьезно?

Полегче, доктор, а то такими поступками вы покорите мое сердце.

– Серьезно, конечно, – он нахмурился.

– Ладно, не хмурь брови! – смеюсь и провожу рукой по образовавшейся морщине.

– Так переспрашиваешь, будто не веришь мне.

– Спрашиваю не потому, что не верю, а потому что такие поступки никто из мужчин не делал в моей жизни.

– Привыкай, теперь есть я, который будет совершать такие поступки, возможно даже непредсказуемые.

– Звучит прекрасно на самом деле. Во сколько тогда завтра заедешь за мной?

Назар смотрит на часы и прикидывает время:

– Выходи в семь, с учетом пробок думаю успеем.

– Тогда до встречи утром?

– До встречи и спокойной ночи, – он наклоняется и целует меня в щеку.

– И тебе спокойной ночи.

Я вылезаю из машины, подхожу к двери подъезда и оборачиваюсь. Он смотрит на меня и кивает, я машу рукой в ответ и захожу. Стараюсь не думать о том, что сейчас Назар поедет к себе домой, к жене. Тяжело вздыхаю и поднимаюсь на лифте на свой этаж. Во что я ввязалась?

Зайдя в квартиру, разбираю сумки с одеждой и достаю из одной букет цветов. Я решила забрать его домой и теперь стою в ванной, обрезаю стебли и ставлю в вазу, глупо улыбаясь.

Позвонила Ангелина и сказала, что они едут. Ни одни, с едой. Я порадовалась дальновидности девочек и поставила чайник на плиту, чтобы заварить чай.

Приняла душ и когда выходила из ванной, раздался звонок в дверь.

– О-о-о, привет поломанный человек, – Кира протиснулась между девочек и обняла меня одной рукой, во второй у нее был пакет.

– Привет-привет, заходите давайте, я ужас какая голодная.

Ангелина с Ингой поочереди меня обняли и понесли пакеты с едой на кухню, Кира уже была там и чем-то гремела.

– Ну что, рассказывай, когда тебя выпишут? – Инга достала кружки и разлила чай.

– Не знаю девочки, еще ничего не понятно, до конца этой недели точно буду в больнице.

– Хорошо хоть на ночь отпускают, я представляю какая там гнетущая атмосфера, – Ангелина состроила гримасу на лице.

Я замерла на ее словах, не зная, что ответить. Если бы девочки знали, что происходит в больничных стенах, они бы сейчас точно забыли о еде и бросились задавать мне вопросы. Врать мне не хотелось, но и говорить правду думаю еще рано.

– Мы, кстати, у тебя остаемся с ночевкой, ехать будет поздно назад, – Кира заломила бровь, видя потрясение на моем лице.

Черт. Об этом я не подумала. Завтра нам получается выходить всем вместе и что мне такое придумать, чтобы девочки не заметили, как я сажусь в машину к Назару?

– Что такое? У тебя такое выражение лица, будто тебя застали врасплох, – Кира, как всегда, повысила голос на тон.

Ангелина с Ингой перестали раскладывать еду и теперь тоже изучающе смотрели на меня.

Начинаю нервничать.

– Боже мой, да перестаньте! Вы чего так уставились? Я просто еще плохо соображаю после всего произошедшего. Несите давайте тарелки в комнату, сядем там, – я махнула рукой в направление спальни и девочки молча вышли из кухни, переглядываясь.

Я взяла поднос, поставила на него кружки с чаем, и чуть не выронила его из рук, услышав возглас Киры:

– Ты точно плохо соображаешь, подруга! А еще неправдоподобно врешь!

Что случилось не пойму? Захожу в комнату и вижу девочек, столпившихся у вазы с цветами. Черт, черт, черт! Я трехкратная дура! Можно выдать мне медаль за тупость. Инга с Ангелиной улыбались и что-то шептали друг другу. Я вздохнула и перевела взгляд на Киру, та смотрела на меня со своей фирменной улыбочкой «я знала».

– Не допрашивай, – я погрозила ей пальцем и поставила поднос на стол, кружки звякнули, переняв мою нервозность.

– Ты сама напросилась, подогрела наш интерес, – она села на кровать и выжидательно на меня глянула.

– От кого цветы? – спросила в лоб Ангелина, и я одарила ее гневным взглядом.

– Вот только от тебя осталось услышать вопрос!

Посмотрела на Ингу, которая только открыла рот, чтобы добить меня окончательно. Я вышла назад на кухню и прислонилась к кухонному гарнитуру, прикрыв глаза. Подруги от меня не отстанут, пока не допросят с пристрастием, поэтому у меня оставался единственный выход – рассказать им все.

Девочки сначала тихо переговаривались, но потом начали спорить и часть этих предложений доносилась до меня.

– … может бывший объявился?

– … нет, скорее познакомилась с кем-то недавно…, – Ангелина как всегда проницательна.

– Где она успела бы познакомиться?! В больнице что ли? Не глупи! – Кира ничуть не смущаясь говорила в полный голос.

Я взяла вилки и зашла в комнату, решив прервать их спор. Девочки разом замолчали и уставились на меня с неприкрытым любопытством.

– Я расскажу, только давайте без криков и излишних вопросов, – последнее было адресовано Кире, и она закатила глаза.

Мы расселись на кровати, взяли тарелки, но девочки ели медленно и смешно переглядывались.

– Мы познакомились в больнице, – я взглянула на Ангелину, а та победно посмотрела на Киру. – Он врач-хирург, зовут Назар, ему тридцать четыре года.

Я замолчала, потому что в голове крутилось «и он женат».

– Ого, не ожидала я такого, если честно, – Инга взяла кружку и отпила чай. – Вы познакомились пять дней назад получается?

– Четыре дня назад, – произношу это и понимаю, что прошло всего четыре дня, а как будто я прожила целую другую жизнь.

– Всего четыре дня и он уже дарит тебе цветы? – Кира очень скептично посмотрела на меня, потом на стол с букетом в вазе.

– Он еще отвез меня сегодня домой и завтра утром заберет в больницу, – я откусила кусок от курицы и подняла глаза на подруг.

В комнате после моих слов повисло молчание. Эмоции на лицах девочек были от удивления до восхищения.

– Скажите мне, где можно найти такого мужчину, с которым будут такие горячие отношения? – Инга восторженно смотрела то на меня, то на девочек.

– Очевидно в больнице, – Кира окинула меня взглядом. – Там еще есть такие врачи?

– Ну вас! – я недовольно фыркнула. – И что это за выражение горячие отношения?

– А что? – Инга пожала плечами. – Четыре дня знакомства, а он тебе и цветы, и привозит, и забирает. Тут все же понятно как день.

– У нас тут есть кое-кто с такой же историей, но она только молча сидит и жует, – Кира захихикала и пихнула рядом сидящую Ангелину.

– Предпочитаю тактично промолчать, – Лина покосилась на меня, и я усмехнулась, вспоминания бурное начало их отношений с Артуром.

– Как вы встречаете таких мужчин? – Инга все не успокаивалась.

Мы одновременно с Ангелиной промычали что-то похожее на «не знаю» и «само собой получается».

– Так вы что, прям встречаетесь? – Инга положила голову на скрещенные пальцы и видимо приготовилась слушать захватывающую историю.

– Я думала меня вопросами завалит Кира, но сегодня что-то ты разошлась.

Инга только на мгновение перевела взгляд на Киру, но потом снова радостно посмотрела на меня, ничего не ответив.

– Ладно, удовлетворю твое любопытство. Мы еще сами не знаем, встречаемся или нет. Прошло четыре дня, девочки! Я сама в шоке, если честно! Столько всего произошло, что мой мозг не может быстро переварить эти события.

– Да что уж говорить, даже я в шоке от стольких событий в твоей жизни, – Кира закинула руки за голову и изучающе на меня посмотрела, – ты влюбилась, Алис?

Я замерла, застигнутая врасплох этим вопросом, так и не донеся кусок хлеба до рта. Подруги перестали жевать и молча ждали моего ответа. Ангелина смотрела с тревогой, и я знала, о чем она думает. Это больная тема для меня – открыть кому-то себя. Но я понимаю, время пришло. Чувствую, что меняюсь. Этот мужчина помог мне стать сильнее. Я должна перестать бегать от самой себя.

– Скажу так, я влюбляюсь. И не с каждым днем все сильнее, а с каждой минутой, просто даже думая о нем. Он точно волшебник, смог дотронуться до моего сердца.

Смотрю на девочек, и они улыбаются.

– О-о-о, это очень мило.

Я кинула в Ингу подушкой, и она поймала ее на лету.

– Ты не спешишь? Как бы плакать потом не пришлось, – Кира все так же подозрительно на меня смотрела, будто знала, что я что-то не договариваю.

– Не знаю, Кир. Я решила впервые в жизни поддаться полностью своим чувствам, не быть всегда подозрительной и искать во всем подвох.

– С одной стороны это хорошо, но с другой…, – она пощелкала пальцами в воздухе, подбирая слово, – но с другой стороны, как бы нам потом не пришлось тебя вытаскивать из истерик и слез.

– Перестань, ты всегда не доверчива, – Ангелина искоса посмотрела на Киру, и они обе замолчали, глядя друг на друга.

– Я не так оптимистична, как вы. Тем более любовь надевает розовые очки на глаза, и ты не видишь явных минусов партнера и игнорируешь возникающие проблемы.

Ангелина цыкнула:

– Ты будто лекцию читаешь, любовь – это не формула, которую надо решить.

– Да, но любовь делает больно.

Они замолчали и в комнате повисла тишина. Каждый думал о своем и видел только свою правду.

– Что скажешь? – Кира прервала молчание и повернулась ко мне. – Ты готова чувствовать боль? Ведь в любви по-другому не бывает.

У меня внутри все сжалось от ее слов. Я уже находилась будто в пыточной. Как бы не храбрилась, что приняла правду, но в душе все переворачивалось от мысли, что сейчас он находится со своей женой.

– Девочки, давайте закончим этот разговор и пойдем спать, – я встала и начала забирать тарелки у них из рук.

– Ты уходишь от ответа, – Кира держала тарелку и не отпускала ее, наши взгляды встретились, и подруга нахмурилась. – Что-то тут не так и рано или поздно ты расскажешь нам всю правду.

Я вымученно улыбнулась, и она наконец отпустила тарелку. Инга забрала поднос с посудой и тревожно на меня посмотрела, но не решилась что-то сказать.

Мы зашли с ней на кухню, и она принялась мыть посуду. Ангелина с Кирой что-то бурно обсуждали в комнате.

– Алис?

– Что? – я повернулась к Инге, закрыв холодильник, чтобы лучше ее видеть.

– Ты изменилась, я вижу это.

– Что ты имеешь ввиду?

Она выключила воду и посмотрела на меня:

– Будто у тебя высвободились все чувства, твой характер смягчился.

Может со стороны так и кажется, но странно, я не вижу этого. Только ощущаю, что меняюсь.

Я подошла к Инге и обняла ее, она всегда видит мелочи, и высказывает все очень аккуратно, стараясь не обидеть.

– Спасибо тебе, – я дернула за кончик ее рыжих волос. – Твои слова как бальзам на душу.

– Надо же чтобы в нашем квартете был эмпатичный человек, рубить правду и так есть кому.

Мы обе хмыкнули и переглянулись, понятно о ком подумав.

Я разобрала диван на кухне для Киры с Ингой, а мы с Ангелиной легли в комнате. Девочки быстро уснули, немного пошептавшись между собой. Ангелина переписывалась с Артуром и счастливо улыбалась. Я смотрела на нее и на золотой браслет на ее руке с сердцем и знаком бесконечности, вспоминая, через что они прошли с Артуром, чтобы научиться доверять друг другу и наконец обрести гармонию.

Подруга отложила телефон и взглянула на меня.

– Ты так смотришь, что я чувствую твои мысли, направленные на меня. О чем думаешь?

– Вспоминала через что вы прошли с Артуром. Скажи, как ты жила, когда вы расстались? Как смогла собрать себя и быть без любимого человека?

Она внимательно посмотрела на меня, немного помолчав.

– Честно, Алис, я не жила, а просто существовала. Нельзя собрать себя заново и просто забыть все то, что между нами было. Я тешила себя мечтами о нашем примирении, вот и все. Ты ведь знаешь, что я не такая сильная как ты и Кира, не могу встать, накраситься, надеть лучшее платье и жить дальше.

Я задумалась и взглянула внутрь себя, сначала не хотела ей говорить, то, что вижу, но все-таки решилась.

– Теперь и я могу тоже самое сказать о себе.

Она легла на подушку и повернулась ко мне лицом, подложив руки под щеку.

– Сказать, что перестала быть сильной?

– Да, – я вздохнула. – Если наши отношения закончатся, и мы расстанемся, я больше не смогу жить так, будто ничего не было. Он не такой, как все мужчины, что со мной знакомились. Во мне бушуют такие чувства и эмоции от его присутствия рядом, что я боюсь саму себя. И знаю, что мне будет очень больно, если он исчезнет из моей жизни. А еще я буду безумно скучать по нему.

– Ты влюбилась, – она говорит шепотом и от этого ее слова еще больше трогают меня.

– Думаешь это и есть любовь?

– А что, если не любовь?

Мы смотрим друг на друга.

– Лин, мне очень страшно.

– Знаю. Мне тоже было страшно. Страшно, что между нами все закончится, а еще, что я не смогла бы исправить ту ситуацию, в которой мы тогда оказались.

– Вот и я боюсь этого.

– Ты только в начале отношений, а уже задаешься такими вопросами, права была Кира, не спроста все это. Расскажешь мне?

– Я расскажу, но не сейчас. Мне надо сначала самой разобраться в себе.

– Не буду давить на тебя. Знаю, что ты умная и сможешь принять правильное решение.

– Только правильное, отнюдь не легкое, – я прошептала это, но Ангелина все-равно услышала меня.

– Какое бы решение ты не приняла, мы всегда тебя поддержим и будем рядом.

– Спасибо, дорогая. Спокойной ночи.

– Спокойно ночи. И я все-равно рада за тебя.

Мы немного посмеялись, укутываясь в одеяла как гусеницы. Ангелина быстро уснула, а я смотрела в потолок и не могла успокоить бушующий поток мыслей.

Глава 6

Будильник зазвонил так громко, что я чуть не словила сердечный приступ. Вчера даже не заметила, как уснула. Так много думала, что видимо мозг устал от всей информации.

Рядом завозилась Ангелина, но снова притихла, ровно засопев. У меня звякнул телефон, и я посмотрела на экран.

06:10. Назар: «Доброе утро, надеюсь ты уже проснулась, жду не дождусь нашей встречи».

Мое сердце подпрыгнула куда-то в космос, и я блаженно заулыбалась.

06:11. Алиса: «И тебе доброе, вот только проснулась, тоже хочу тебя поскорее увидеть».

Я перелезла через Ангелину, которая что-то пробурчала во сне. Легонько погладила ее по плечу и убедившись, что подруга проснулась, пошла на кухню будить Киру с Ингой.

Мы быстро оделись, немного поругались за очередность посещения ванной, потом позавтракали и уже были в прихожей, когда у меня зазвонил телефон. Девочки разом умолкли и уставились на меня, приготовившись слушать.

– Привет, уже выхожу, – я замолчала, смутившись таким вниманием подруг.

– Как раз звоню сказать, что подъехал к твоему подъезду.

– Хорошо, спускаюсь.

Я отключила телефон и взяла куртку в руку.

– И чего вы так смотрите? – обратилась к девочкам, видя их заинтересованность.

– Он приехал, да? – Кира уже стояла одетая и доставала из сумочки ключи от своей машины.

– Да, только давайте без глупостей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.